

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПАРЕМИЙ
С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки
6.44.04.01 Педагогическое образование
очной формы обучения, группы 02051311
ЦУБЕРЫ Натальи Игоревны

Научный руководитель
д.филол.н., профессор
Седых А.П.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

Введение.....	2
Глава I. Теоретические предпосылки изучения паремиологических единиц в лингвокультурном аспекте.....	6
1.1. Паремия как объект исследования в лингвистике.....	6
1.2. Лингвокультурные особенности паремиологических единиц.....	14
1.3. Национальная концептосфера и культура паремиологического узуса....	22
1.4. Выводы.....	34
Глава II. Семантические и прагматические особенности паремиологической репрезентации концепта «animal» во французской и русской лингвокультурах.....	36
2.1. Особенности паремиологической вербализации концепта «animal».....	36
2.2. Специфика паремиологической репрезентации концепта «chien».....	50
2.3. Характеристика пословичной манифестации концепта «loup».....	56
2.4. Выводы.....	61
Заключение.....	63
ЛИТЕРАТУРА.....	66
Приложение.....	71

Введение

В последнее время ученые-лингвисты уделяют особое внимание исследованию и сопоставлению фразеологического фонда различных языков. Паремиологический дискурс, включающий в себя народные пословицы и поговорки, предоставляет богатый материал для исследований языковой культуры. За многовековую историю французского и русского языков в них накопилось большое количество устойчивых выражений, отражающих своеобразие быта, истории и менталитета народа. В них заключен глубинный смысл, уходящий своими корнями в далекое прошлое, благодаря которому мы можем почувствовать, каким прекрасным средством для воспитания в человеке нравственности, культуры, духовности являются эти кладези мудрости. Знание и активное владение паремиологическим богатством способствует лучшему пониманию культуры народа изучаемого языка, чрезвычайно облегчает понимание аутентичной литературы, делает речь более содержательной, интересной и лаконичной, совершенствует эстетический аспект культуры речи.

В настоящее время в связи с повышением значимости владения иностранным языком, с развитием диалога культур проводятся интенсивные исследования проблем общения народов. Изучение фразеологического состава иностранного языка в сопоставлении с родным языком не только повышает эффективность изучения лексики, но и способствует обогащению языка страноведческими знаниями, отражающими специфические условия жизни. Так, постижение того или иного языка неразрывно связано с изучением его культуры, передающейся сквозь призму великого и многообразного мира пословиц и поговорок.

Интересующую нас группу устойчивых выражений составляют пословицы и поговорки, в составе которых присутствует анималистический компонент, зооним (наименование представителя животной среды). Зоонимы представляют обширный пласт в паремиологическом фонде французского и

русского языков, так как издавна «человек» и «фауна» связаны тесными узами. История их «сотрудничества» насчитывает тысячи лет, и формы его проявления разнообразны и многочисленны. Отношения человека с животным миром, установившиеся и развивающиеся под влиянием природных, исторических и социальных факторов, оказывают определенное воздействие на языковые механизмы. Этот факт и определяет актуальность нашего исследования, в ходе которого мы выявляем особенности русского и французского менталитета посредством паремиологических единиц с компонентом зоонимом.

Актуальность исследования определяется необходимостью более тщательного изучения паремий с анималистическим компонентом.

Объектом изучения избраны устойчивые выражения с компонентом зоонимом и особенности их функционирования во французском и русском языках.

Целью исследования является выявление характеристик и национально-культурных особенностей паремиологических единиц с компонентом зоонимом во французском и русском языках.

Для достижения сформулированной цели исследования в выпускной квалификационной работе ставятся следующие задачи:

- 1) рассмотреть ключевое для данного исследования понятие «паремиологическая единица»;
- 2) изучить структуру пословиц и поговорок и определить их значимость в языке;
- 3) выявить роль лексико-семантической группы «зоонимы» в образовании единиц паремиологического корпуса французского и русского языков;
- 4) определить роль паремий с компонентом зоонимом в отражении картины мира в сознании французского и русского народов;

5) провести сравнительно-сопоставительный анализ русских и французских пословиц и поговорок, в составе которых присутствует анималистический компонент.

Методологическую базу работы составляют концепции языковедческих исследований [В.Г. Гак, Костомаров, Маслова], исследований по лексикологии и лингвокультурологии [Бережан, Виноградов, Мокиенко; А.П. Седых, Слепушкина] и работ по изучению фразеологического фонда языка [В.В. Виноградов; Пермяков; Петроченко; Савенкова; Телия]. В качестве основных методов исследования используются описательный и сопоставительный методы.

Эмпирическим материалом исследования послужили паремиологические единицы с компонентом зоонимом, содержащиеся в русском и французском языках.

Научная новизна работы состоит в выявлении общих и различных национально-культурных характеристик в семантике зоонимов французской и русской лингвокультур.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что на основании анализа фактического материала подтверждены основные научные положения лингвокультурологии относительно структуры паремиологической единицы и ее значимости в отражении народной культуры.

Практическая значимость результатов проведённого исследования заключается в том, что данный материал дает возможность глубже изучить иностранный язык в процессе исследования быта, менталитета и культуры народа-носителя изучаемого языка. К тому же, полученные сведения могут быть использованы на занятиях по межкультурной коммуникации, а также в практике подготовки филологов, переводчиков и преподавателей иностранных языков.

Апробация результатов исследования. Материалы дипломной работы обсуждались на конференции «Студенческая весна – 2017», была

опубликована статья в сборнике «Национальные языки и культуры в эпоху глобализации НИУ «БелГУ», 2017».

Целью и задачами исследуемого материала определяется структура выпускной квалификационной работы, которая состоит из введения, двух глав и заключения.

Во **Введении** даётся общая характеристика работы, обосновывается актуальность выбора объекта исследования, обозначаются основные цели и задачи, указываются методы исследования поставленной проблемы, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **Первой главе** «Теоретические предпосылки изучения паремиологических единиц в лингвокультурном аспекте» рассматривается паремия как объект исследования в лингвистике, описываются лингвокультурные особенности изучаемых единиц, представлена национальная концептосфера и культура паремиологического узуса.

Во **Второй главе** «Семантические и прагматические особенности паремиологической репрезентации концепта «animal» во французской и русской лингвокультурах». **Сравниваются и анализируются паремии с компонентом зоонимом, определяются универсальные и уникальные характеристики, которыми разные народы наделяют животных.**

В **Заключении** подводятся основные итоги и излагаются результаты проведённого исследования.

ГЛАВА I. Теоретические предпосылки изучения паремиологических единиц в лингвокультурном аспекте

1.1. Паремия как объект исследования в лингвистике

Современные ученые-лингвисты (Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, О.А. Корнилов, Б.А. Серебренников, Н.А. Красавский, В.Н. Телия, В.В. Красных, Е.В.Падучева и другие) проявляют колоссальный интерес к изучению того или иного языка в тесной связи с миропониманием и мироощущением человека, с его практической и ментальной деятельностью. В настоящий момент развития лингвистической науки исследователи признают, что без так называемого «человеческого фактора» познание языка в полном объеме является невозможным. Данное положение, основой которого считается принцип антропоцентризма, объясняет популярность исследования языка в рамках фразеологии и паремиологии. Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина начала формироваться в отечественной науке с 40-х гг. XX века, однако в западноевропейском языкознании в это время она еще не составляла особый раздел лингвистики.

Понятие «фразеология» (от греч. *phrasis* «выражение, оборот речи» и *logos* «понятие, учение») имеет несколько значений. В лингвистике данный термин употребляется для обозначения «особой отрасли языкознания, которая изучает устойчивые словосочетания, называемые фразеологическими единицами или фразеологизмами, а также для обозначения совокупности подобных словосочетаний, свойственных данному языку» [Виноградов, 2009: 35].

Родоначальником теории фразеологии является швейцарский лингвист французского происхождения Шарль Балли, который представил первую развернутую классификацию фразеологизмов в книге «Французская

стилистика», выпущенной в 1921 году. Он выделил в зависимости от степени устойчивости две группы сочетания слов: сочетания, в которых имеется свобода группировки компонентов, и сочетания, лишенные такой свободы, то есть переменные (свободные) сочетания и фразеологические единства (словосочетания, компоненты которых утратили всякое самостоятельное значение, при этом всё сочетание в целом приобретает новое значение, не тождественное значению составных частей) [Балли, 1921].

В 1946 г. советский лингвист и литературовед В.В. Виноградов опубликовал статью «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке», в которой была предложена более обстоятельная, чем у Ш. Балли, и богато иллюстрированная классификация фразеологизмов. Именно она стала классической и эталонной, хотя и подвергалась дополнениям [Виноградов, 1946: 9]. В.В. Виноградов выделяет три типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

1. Фразеологические сращения – это семантически неделимые и немотивированные (т.е. не выводимые из значений составляющих компонентов) фразеологические единицы. Данный тип фразеологических единиц также называют «идиомами». Примеры: *собаку съест* (быть знатоком в чем-либо), *бить баклуши* (бездельничать), *очертя голову* (стремительно), *комар носу не подточит* (никто не узнает), *гол как сокол* (беден), *ни в зуб ногой* (ничего не знает), *à corps perdu* (очертя голову), *tailler une bavette* (точить лясы).

2. Фразеологические единства – это тоже семантически целостные и неделимые фразеологические единицы, но их значение мотивированно, т.е. оно вытекает из значения компонентов. Примеры: *тянуть лямку* (заниматься тяжелым или однообразным трудом), *белая ворона* (человек, резко выделяющийся среди других), *закинуть удочку* (намекнуть, разведать, разузнать), *из пальца высосать* (вывести из ничего), *mordre à l'hameçon* (попасться на удочку), *traîner son boulet* (тянуть лямку).

Фразеологические единства также могут выступать метафорами, среди которых можно выделить устойчивые сравнения (как банный лист, как на иголках, как корова языком слизала), метафорические эпитеты (луженая глотка, железная хватка) и гиперболы (золотые горы, море удовольствия, насколько хватает глаз).

3. Фразеологические сочетания – это устойчивые фразеологизированные сочетания слов, в которых значения слов-компонентов обособлены, но все же фразеологически связаны. Примеры: *чревато последствиями, заклятый враг, закадычный друг, щекотливый вопрос, обдать презрением, расквасить нос, крошечная тьма, проливной дождь, ami jusqu'à la mort* (друг до гроба), *rire les dents au vent* (скалить зубы). Выделенный компонент фразеологических единиц обладает фразеологической связанностью, т.е. употребляется только с данным словом, и это способствует устойчивости всего выражения.

Отличие фразеологических сочетаний от единств можно проследить на омонимичном примере: *отвести глаза кому-нибудь* (обмануть) является единством, а *отвести глаза в сторону* (направить взгляд) – сочетанием.

Как видим, фразеологические сочетания семантически делимы, мотивированны, чаще всего имеют прямой смысл. Они ближе к свободным словосочетаниям, однако, фразеологическая связанность одного из компонентов делает их устойчивыми и воспроизводимыми, что позволяет В.В. Виноградову и его последователям включать их в состав фразеологических единиц [Виноградов, 1946: 10].

Некоторые лингвисты в своих классификациях расширяют типологию фразеологизмов и выделяют четвертый тип фразеологических единиц:

4. Фразеологические выражения – это сочетания слов, получившие устойчивость и воспроизводимость, но целиком состоящие из слов со свободным значением. Это составные неметафорические наименования (дом отдыха, читательский билет, читальный зал, высшее учебное заведение), описательные обороты (одержать победу, наносить вред, завести знакомство,

водить дружбу), а также пословицы, поговорки, крылатые фразы (любви все возрасты покорны, в здоровом теле здоровый дух, старость не радость).

Однако включение пословиц и поговорок в состав фразеологических единиц значительно расширяет понимание фразеологии в целом и конкретного понятия «фразеологические единицы». Фразеологизмы – единицы номинативные (называющие определенное понятие действительности), они функционируют в речи как слово и в составе предложения играют роль какого-либо члена предложения (независимо от структуры). Пословицы и поговорки – единицы коммуникативные, называющие не понятие, а суждение и представляют собой законченное предложение. Поэтому пословицы и поговорки относят к области паремиологии, которая является подразделом фразеологии, посвященным изучению и классификации паремий.

Интерес к паремиям «как предмету лингвистического, а не фольклорного анализа появляется лишь в конце XX века, что неизбежно влечет за собой пристальное изучение пословиц, как в русской, так и зарубежной лингвистике» [Мокиенко, 2010: 167]. Вопросам паремиологии уделялось значительное внимание в работах Т.Г. Бочиной, В.М. Мокиенко, Н.Н. Семененко, Г.М. Шипициной, а выдающимися российскими паремиологами были Г.Л. Пермяков и С.Д. Мастепанов.

Паремиология (от греч. *paroimia* «пословица» и *logos* «слово») – подраздел фразеологии, посвященный изучению и классификации паремий. Под термином «паремия» исследователи понимают «афоризмы народного происхождения, в первую очередь пословицы и поговорки, которые образуют относительно самостоятельный пласт языковых выражений» [Аппоев, 2012: 5]. Основным источником появления пословиц и поговорок является устное народное творчество – песни, сказки, былины, загадки.

Большой вклад в паремиологию как науку сделал выдающийся советский фольклорист Г.Л. Пермяков. Он установил, что паремиологические единицы (пословицы и поговорки) являются знаками

определенных ситуаций и отношений между вещами и явлениями. Как показали многочисленные исследования Г.Л. Пермякова, общее между пословицами народов всего мира заключается в «их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни» [Пермяков, 1979: 17]. Главное различие состоит в образном строе изречений, в местных понятиях, которые они отражают.

Паремиологи выделяют несколько основных характеристик, присущих таким языковым единицам, как паремии. Паремии представляют собой клише и используются в качестве знаков. Они могут обладать или не обладать мотивировкой своего общего значения, могут иметь омонимы, синонимы и антонимы. Как и все фольклорные тексты, паремии обладают той или иной темой. Они ситуативны, т.е. не только употребляются в той или иной ситуации, но и сами могут моделировать или означать эту ситуацию.

«Паремии обладают планом выражения и планом содержания и, следовательно, включаются в систему синтагматических и парадигматических отношений языка. Паремии образуют тематические группы, могут вступать в отношения синонимии и антонимии, кроме того, различные варианты пословиц и поговорок образуют вариантные парадигмы» [Байжанова, 2007: 63].

Пословицы и поговорки, входящие в состав паремий, имеют несколько отличительных черт, с которыми нам необходимо разобраться для полного понимания термина «паремиологические единицы».

Пословица – это краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт. Форма пословиц достаточно своеобразна, ей свойственна ритмическая организация, особое звуковое оформление. Пословица кратка, в ней нет лишних слов, каждое слово весомо, содержательно и точно. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений («вот как бывает»), даёт им оценку («то хорошо, а это плохо») или предписывает образ

действий («следует или не следует поступать так-то»). Обязательное наличие обобщения и весьма частое оценочно-предписывающее содержание образуют характерный для пословиц назидательный смысл [Бережан, 1988: 117]. Пословицы чаще всего выступают как самостоятельное предложение: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей. С кем поведешься, от того и наберешься. Вся семья вместе, так и душа на месте. Согласье в семье – богатство.*

С давних времён от пословиц отличаются поговорки. Обычно поговорками именуют «широко распространённые выражения и изречения, образно определяющие какие-либо жизненные явления» [Аппоев, 2012: 5]. Поговорка – это складная короткая речь, ходячее выражение, обычно образное, рифмованное, недоразвившееся до полной пословицы; новый образ, замещающий обычное слово, который определяет какое-либо явление. В большинстве случаев появление поговорок происходило непреднамеренно, и было связано с какими-либо жизненными событиями, при этом смысл изречения давно утратил свое первоначальное значение.

Например, выражение *подложить свинью* означает сделать кому-нибудь неприятность. Но значение слова «свинья» в данной поговорке не трактуется домашним животным. По традиционному толкованию свинья здесь означает «строй клином, кабаном, кабаньей головой для пролома вражеских рядов, для нападения». А вот выражение *собаку съел* относят к человеку, который имеет за плечами огромный опыт в чем-либо, хотя ранее эта поговорка имела иное значение. Эту фразу употребляли иначе: «Собаку съел, а хвостом подавился», – так говорили о том, кто, проделав тяжелую работу, ошибся из-за пустяка. Нынешнее значение русской поговорки «на обиженных воду возят» не отличается кардинально от первоначального, но при этом имеет интересную историю происхождения: фразу начали употреблять со времён Петра I. В то время была популярной профессия водовоза – человека, который снабжал водой город на специальной повозке в виде бочки. Чтобы заработать больше денег, некоторые водовозы решили

повысить цену на свои услуги, хотя по закону подобные действия были запрещены. В качестве наказания Петр I дал специальное указание – вместо лошадей впрягать в телегу жадных водовозов. Естественно, они сильно обиделись на данный приказ, но были вынуждены его выполнить. Отсюда и пошло выражение.

Поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, часто иносказательным выражением, которое можно заменить другими словами: *как снег на голову* (неожиданный), *остаться с носом* (остаться ни с чем), *ни в зуб ногой* (ничего не понимает), *когда рак на горе свистнет* (никогда), *шаром покати* (пусто) – все это типичные поговорки, лишенные характера законченного суждения. Поговорки часто употребляются в составе предложений: *Вернет деньги, когда рак на горе свистнет. В холодильнике у нас сегодня хоть шаром покати. Я в математике ни в зуб ногой.*

Поговорки, по мнению В.Г. Гака, – это литературно-разговорные, обиходно-разговорные и просторечные всесторонне устойчивые фразы, способные выражать только частный смысл. Следовательно, они не содержат обобщений о закономерных связях действительности, как пословицы, и применимы лишь к единичным, конкретным ситуациям. Правда, ситуации эти столь типичны, что каждая поговорка может без изменений использоваться множеством людей в сходных случаях бесчисленное количество раз. Например: *Mon Dieu!* (Боже мой!), *C'est trop fort!* (Это уже чересчур!), *C'est à mourir de rire!* (Ну, это курам на смех!), *Voilà tout!* (Вот и всё!) [Гак, 1963: 35].

Ученые утверждают, что трудно определить, с каких времён среди народа начали ходить пословицы и поговорки, способные в разговоре выразительно и точно охарактеризовать что-либо без помощи утомительных и сложных пояснений. Неоспоримо одно: и пословицы, и поговорки возникли в отдалённой древности и с той поры сопутствуют народу на всём протяжении его истории. Они вошли в повседневную речь, и именно в речи

раскрывают свои настоящие свойства. «Паремиологические единицы передают эмоционально-экспрессивную оценку жизненных явлений и существуют в речи для выражения, прежде всего, чувств говорящего» [Бережан, 1988: 21].

Так, паремиологические единицы языка, или паремии, многими учёными рассматриваются в неразрывном единстве с фразеологизмами. И хотя существуют разные подходы к проблеме включения/не включения пословиц во фразеологический фонд языка, исследователи признают, что образуя достаточно чётко очерченную зону, пословицы близко стоят к фразеологическим единствам [Петроченко, 2010: 20].

Поговорки, как и пословицы, вошли в повседневную речь и именно в речи раскрывают свои настоящие свойства. Поговорка в ещё большей степени, чем пословица, передаёт эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений, а также выражает чувства говорящего. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления.

Исследования того или иного языка происходят в неразрывной связи с изучением фразеологического и паремиологического фонда, отражающих особенности языковой картины мира того или иного народа, ведь основным назначением паремий является краткое образное вербальное выражение традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте этноса.

1.2. Лингвокультурные особенности паремиологических единиц

Язык – это вечно движущийся и вечно развивающийся организм, непрерывно вызывающий интерес к изучению и пониманию его свойств и функций. Любой язык, независимо от того, к какому семейству он

принадлежит, является величайшим богатством народа, он обладает колоссальным набором элементов, отражающих народную мудрость и культуру. Одним из таких элементов являются языковые паремии, обладающие ярко выраженным национальным характером и наглядно демонстрирующие восприятие тем или иным народом различных жизненных явлений, ценностей. Как русские, так и французские паремии не являются исключением из этого правила и составляют неизменную часть как разговорного, так и литературного языков.

Нельзя не согласиться с тем, что на современном этапе развития науки о языке исследование паремий немислимо без изучения их национально-культурной специфики, без рассмотрения их роли в репрезентации культуры народа. «Особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение» [Телия, 1996: 231].

Исследованием культуры народа посредством языка, в котором она отражается, занимается такая наука, как лингвокультурология. Разворот лингвистических учений в сторону человека и его места в культуре произошёл благодаря формированию антропоцентрической парадигмы, согласно которой человек анализируется в языке, а язык в человеке. Исходя из этого, языковая личность является главным субъектом и объектом языка и главным субъектом создания языковой картины мира, базирующейся на изучении представлений человека о мире и обществе в целом. Языковая картина мира – это «выраженная с помощью различных языковых средств, системно упорядоченная, социально значимая модель знаков, передающая информацию об окружающем мире» [Хайруллина, 1997: 5].

Изучение лингвокультурологического аспекта двух языковых картин мира актуально и востребовано в силу активного развития межкультурной коммуникации, а также в силу того, что в настоящее время особую значимость приобретает проблема межнационального общения и

взаимопонимания. Поэтому диалог культур можно рассматривать в качестве средства гармонизации взаимоотношений между людьми разных национальностей, средства выявления духовного богатства той или иной нации. Такой диалог позволяет более глубоко понимать и свою собственную культуру, и инонациональную в процессе сопоставления картин мира разных народов. Известно, что представители разных национальностей воспринимают мир по-разному, хотя «существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [Ладо, 1989: 43]. Поэтому нет тождественных понятий в разных языках, ибо в основе понятий лежат разные предметные отношения, закрепленные разными средствами.

Действительность в разных языках представлена по-разному. Это явление, известное как лингвистическая относительность, порождает так называемое языковое мышление, особое у носителей каждого языка. С течением времени у человека возникает определенная картина мира – субъективный образ, интерпретирующий этот мир. Язык общества является важным каналом трансляции менталитета, так как структуры языка небезразличны к содержанию передаваемой с помощью него информации [Слепушкина, 2009: 7]. Постичь национальную картину мира чужого народа – значит встать на место носителя языка, принять его точку мировосприятия и «через лексическую систему получить представление о национальной ментальности (логике) и национальном характере (эмоциях и средствах их выражения, нравственных приоритетах и т.д.» [Корнилов, 2003: 146].

Общим для языков разных народов является то, что они, выполняя коммуникативную и познавательную функцию, отражают одну и ту же действительность, в процессе чего создаются понятия об окружающей среде. При этом культурная информация не может накапливаться в языке как

таковом; она хранится в текстах, то есть в фольклорных, классических произведениях, пословицах, поговорках, фразеологизмах.

«Культурная самобытность языкового сообщества, пожалуй, наиболее ярко проявляется при изучении паремиологического фонда языка. Пословицы, поговорки, фразеологические единицы являются своеобразными экспонентами культурного знания, где происходит взаимодействие языковой и культурной семантики. Паремии, как часть языковой системы, выступают в качестве хранилища культурных традиций народного менталитета, в них наиболее ярко подмечены и отражены моменты жизнедеятельности представителей определенного языкового социума» [Привалова, 2001: 10]. Именно поэтому исследование фразеологических единиц способствует познанию всей истории развития человеческого общества, начиная с зарождения традиций и обычаев до достижений науки и техники, помогает сопоставлению своеобразия эволюции двух или более отдельно взятых сообществ. Фразеология дает возможность вербально демонстрировать национальные понятия народа, составляющие национально-языковую картину мира, связанную с историческими корнями нации, «ибо каждый оборот есть отражение каких-либо национальных реалий, составляющих в свое время самобытность культуры того или иного народа» [Мокиенко, 1999: 25]. Так, исследования В.П. Фелицыной, Ю.Е. Прохорова, О.А. Дмитриевой, М.Л. Ковшовой, И.В. Приваловой и других ученых позволяют говорить об особом лингвокультурологическом статусе паремий, поскольку в данных единицах наиболее ярко представлен синтез языкового и лингвокультурного значений.

Сопоставлять и обнаруживать общее среди паремий разных народов и культур позволяет, помимо прочего, включенность пословиц в паремиологическое пространство как «особую сферу, объединяющую как сами паремии, так и их составляющие – стереотипы и формульные комплексы, мотивы, коды и идеи, лексический реквизит, художественно-эстетические приемы» [Селиверстова, 2009: 9]. «Огромный интерес

представляет сравнительное изучение пословиц нескольких языков с целью изучения их национально-культурного компонента, отражающего те реалии данного народа, которые не имеют прямых соответствий в других языках. Такой подход направлен на выявление общих и различных национально-культурных черт исследуемых паремиологических систем, чтобы лучше понять культуру и мировоззрение другого народа и сквозь эту призму глубже проникнуть и осознать свою родную культуру» [Грушевская, 2005: 268]. Пословицы и поговорки также представляют незаменимый материал для исследования культуры народа, поскольку они обладают сложной семантикой и формой и одновременно тяготеют как к кругу языковых явлений, так и к области фольклора.

Изредка в паремиях разных народов встречается общий смысл, и можно даже обнаружить эквивалентные интерпретации, в большинстве случаев подавляющее количество паремий индивидуальны, специфичны для своей культуры и не естественны для другой. Так, паремии можно разделить на два типа: общие (к ним относятся те, в которых заключено универсальное, сходное во всех странах если не по форме, то по содержанию, нравоучение) и специфические (к ним можно отнести только определенные пословицы, возникшие благодаря какому-либо историческому событию, местному обычаю и обладающие специфическими признаками, характеризующими определенное место и время своего происхождения).

Данную классификацию, например, можно наблюдать на паремиях, связанных с гастрономическими терминами двух языков, которые используются как для описания кулинарной темы, так и для характеристики внешних и внутренних свойств человека, его поведения, для описания какой-либо ситуации.

Универсальными для русской и французской культур являются народные представления о социальном положении человека, уровне его жизни, основанные на фразеологизмах со словом-компонентом «хлеб», который является самым архетипически значимым продуктом питания в

обеих культурах и универсальным символом жизни, благополучия, материального достатка. Французские фразеологические единицы: *avoir le pain et le couteau* (располагать всем необходимым), *avoir du pain sur la planche* (жить зажиточно), *morceau de pain* (маленькая сумма денег), *mettre à qn le pain à la main* (дать кому-либо кусок хлеба, дать кому-либо средства к жизни); русские фразеологические единицы: *хлеб всему голова, зарабатывать на хлеб, хлебом не корми, жить на хлебах у кого-либо*.

Одинаково значимыми продуктами питания у русских и французов являются молоко, мёд. Поэтому и архетипически значимые стереотипы-образы, закреплённые во фразеологических единицах обоих языков с этими компонентами, схожи. Молоко символизирует здоровье, молодость: *кровь с молоком, avoir tête du bon lait* (иметь крепкое здоровье), *il a encore le lait sur les lèvres* (молоко на губах не обсохло); мёд является символом удовольствия, наслаждения: *сладкий как мед, медом не корми, lune de miel* (медовый месяц), *paroles de miel* (медовые речи), *être tout miel* (рассыпаться в любезностях), *avoir le miel sur les lèvres* (сладко говорить).

Уникальные архетипически значимые культурные стереотипы, характерные лишь для одной из двух культур, закреплёны в гастрономических фразеологических единицах со словами-компонентами, выражающими наименования национальных продуктов или блюд, типичных лишь для одной культуры и редко встречающихся или совсем неизвестных в другой культуре. Например, стереотипные образы во французских поговорках, в составе которых присутствует характерный для французской кулинарии овощ «артишок» (травянистое растение с крупными соцветиями, состоящими из множества лепестков): *avoir un cœur d'artichaut* (букв. 'обладать сердцем артишока') – человек, непостоянный в любви; *une tête d'artichaut* (букв. 'голова артишока') – дурья башка, олух.

Для русской культуры уникальные архетипически значимые стереотипы хранятся во фразеологических единицах со словом-компонентом «каша», поскольку каша является исконно русским национальным блюдом.

Характерные признаки каши, такие как вязкость, нерасчлененность на отдельные фрагменты, неспособность сохранять форму, служат основой для возникновения стереотипных образов, используемых для описания человеческих качеств, его деятельности и поведения: *каша во рту, будто каши в рот набрал, каша в голове, с ним каши не сварить, мало каши ел.*

Национально значимыми для русской культуры и почти неизвестными для французской культуры являются такие продукты, как репа, редька, малина, семечки, клюква, хрен. Внешний вид, вкусовые качества, способ приготовления или употребления этих продуктов также способствовали возникновению стереотипных образов, встречающихся только в поговорках русского языка: *проще пареной репы; дешевле пареной репы; хуже горькой редьки; не жизнь, а малина; вот так клюква; щелкать как семечки; хрен редьки не слаще.*

Уникальными архетипически значимыми стереотипами являются стереотипы-ситуации, зафиксированные в гастрономических поговорках, отражающих национальные традиции, обычаи, привычки и ритуалы, связанные с приготовлением и приемом пищи. К примеру, французская поговорка *entre la poire et le fromage* (букв. 'между грушей и сыром') – между делом, первоначально имела значение «под конец обеда, за десертом», т. е. когда наступает момент для свободной непринужденной беседы, общения, здесь прослеживается характерная национальная традиция организации французской трапезы, при которой сыр принято подавать в конце обеда после или вместо десерта. В русском же языке подобных выражений нет, так как данная традиция не свойственна русской культуре. Следовательно, подобные представления о порядке подачи блюд во время трапезы являются для русских менее значимыми, чем для французов, поэтому и не находят своего отражения во фразеологических единицах.

Следует отметить, что национально-культурное своеобразие паремиологических единиц прослеживается в том, что они заключают в себе

комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте в периоды становления национальной культуры.

Для исследования языковой культуры наиболее интересным является именно второй тип паремиологических единиц, отражающих национальные ценности, исторические факты, обычаи и традиции – все то, в чем выражается самосознание народа.

Паремиологический фонд занимает важное место в лингвокультуре народа, так как для адекватного межкультурного общения «необходимо понимать различные аспекты речевого поведения, которые, как известно, связаны с культурой и историей. Исследование реализации лингвокультурной доминанты в пословицах позволяет выявить некоторые особенности языковой системы и норм поведения в их взаимосвязи, что помогает сделать межкультурное общение адекватным» [Натхо, 2009: 437].

Паремиологические единицы, будучи текстом, являются проявлением культуры и менталитета определенной нации, которые содержатся в языке, ибо не всякое изречение становилось пословицей или поговоркой, а лишь то, которое коррелировало с представлениями определенной национальной картины мира, отражало преобладающие ценности духовной и бытийной жизни людей. «Национальная личность идентифицирует себя, проявляет самобытность, в том числе посредством паремий, как ментальных репрезентаций» [Горбань, 2010: 174].

В пословицах и поговорках наиболее ярко отражаются межличностные отношения, которые, будучи «зеркалом» культуры, сложно и многократно отражают самосознание народа, его менталитет и видение мира; это порождение живой речи, культурное творчество народа, назначение которого простирается далеко за рамки высказывания поучительного свойства. В пословице заключен практический, творческий и философский взгляд на мир, что и придает ей статус ценного орудия познания. Люди, создавшие пословицы не знали грамоты, и не было у народа иного способа хранить свой жизненный опыт и свои наблюдения. Однако Савенкова Н.Б. отмечает, что

нельзя понять пословицу, не принимая во внимание их особую связь с речью. Никто не вспоминает пословицы без повода и причины. Они всегда приходят нам на память в разговоре, к случаю. При этом пословицы редко бывают спокойными. Они, как люди, их создавшие, гневаются, печалются, смеются, плачут, веселятся, охают, стонут, кричат, пугают, предостерегают, учат, негодуют – словом, в них столько же чувств, сколько и в народе – творце пословиц [Савенкова, 2002: 135].

Как видим, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996: 9]. Не столько объемные тексты разных жанров, сколько именно «малые фольклорные жанры» позволяют увидеть «наиболее предпочтительные для данного национально-культурного менталитета идеи, характеристики, ассоциации и т.п.» [Катермина, 1998: 43]. Знание и активное владение фразеологическим богатством не только украшает речь, но и способствует лучшему пониманию менталитета народа изучаемого языка. Это тем более важно потому, что в настоящее время интенсивно изучаются проблемы общения культур и народов в связи с возрастанием значимости знания иностранных языков.

Происхождение пословиц и поговорок, несомненно, очень древнее. Необходимой предпосылкой появления паремий был определенный уровень развития языка, способность человека пользоваться им. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что пословицы и поговорки были порождены устным народным творчеством или заимствованы из определенных литературных источников, потеряв связь с ними, но, в любом случае, они обобщают опыт народа, выведенный из его общественной практики.

Любая паремия – это не просто изречение, она содержит в себе народную оценку жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать

тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают, они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что всё ими сказанное является твёрдая истина. Паремии, будучи в значительной степени реализацией кумулятивных функций языка, отражают стереотипы, стандарты, нормы и идеалы как часть культурно-исторического наследия.

1.3. Национальная концептосфера и культура паремиологического узуса

Каждая нация представляет собой сложный мир, члены которого принадлежат к разным слоям, принимают разное воспитание, у них формируется разное мировоззрение. Однако у них общий язык, общая политика и экономическая среда, общая история, поэтому у них общие манеры, менталитет и характер. Все эти национальные черты, несомненно, отражаются в пословицах и поговорках – кратких изречениях, содержащих в себе мудрость и мировосприятие нации.

Значение фразеологических единиц тесно связано со знаниями человека, приобретенными в повседневно-бытовой жизни, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологические единицы отражают в своей семантике «длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы», т.е. «в большинстве фразеологизмов есть “следы” национальной культуры» [Маслова, 2008: 82].

В.Н. Телия не раз выражала мысль, что культурно-национальная специфичность фразеологизмов заключается также и в том, что их семантику можно интерпретировать в терминах национальной культуры, так как значения фразеологизмов интерпретируются с позиции ценностных установок определенной нации [Телия, 1996: 214].

Владение фразеологией, в которой воплощены дух, психология и способ мышления того или иного народа, облегчает понимание аутентичной речи, а также варьирует способы выражения мысли. Одной из главных предпосылок возникновения образной речи является свойство человеческого ума уподоблять абстрактные понятия предметам чувственного мира с целью их познания. Разнообразие самого чувственного (или материального) мира и несовпадение представлений о нем у разных народов обуславливает специфику образных ассоциаций, возникающих на основе реально существующих или вымышленных предметов и закрепляющихся в языке данной общности. Образная фразеология представляет собой важный компонент общих фоновых знаний, ведь в ее основе часто лежат постоянные ассоциативные реалии, которые являются результатом образного переосмысления предметов и явлений действительности. Национально-культурная специфика фразеологии одного языка наиболее ярко проявляется при сопоставлении с устойчивыми словосочетаниями другого языка. В нашем исследовании сопоставление происходит между русским и французским языками.

Различия в видении окружающего мира объясняются не только национальными особенностями менталитета русских и французов (восприятие одних и тех же небесных тел, атмосферных явлений, растений, животных, продуктов питания, предметов домашнего быта не всегда одинаково), но и географическим положением страны, «уникальностью» жизни определенного народа, его истории, культуры, обычаев, быта. Именно эти характеристики и являются причиной возникновения так называемых паремиологических различий.

Одни и те же атмосферные явления могут выражать неидентичные понятия по причине разницы в географическом положении. Например, дождь в русской фразеологии ассоциируется с осадками, которые могут выпадать совершенно неожиданно и часто непредсказуемо, и это наблюдение объясняет значение поговорки *после дождичка в четверг* (неизвестно когда).

Во Франции, где преобладает морской климат, дожди идут часто, иногда приобретая затяжной характер. Они стали для французов вполне привычным явлением, что и породило выражение *parler/causer de la pluie et du beau temps* (говорить о чем-либо несущественном, банальном).

Разницу можно также проследить в растительной среде, а именно речь пойдет о деревьях. В сознании француза дерево представляется как растение с очень твердым стволом, поэтому оно символизирует прочность, крепость, солидность: *dur comme du bois* (очень твердый), *fort/solide comme un chêne* (очень крепкий), *se porter comme un chêne* (быть очень крепким, иметь очень хорошее здоровье). Идея о крепости дерева получила переосмысление и стала ассоциироваться с чем-либо застывшим, неподвижным, не способным меняться: *langue de bois* (косная речь, язык штампов), *tête de bois* (консервативный человек, не меняющий своих мыслей и решений). В менталитете русского народа прочность дерева ассоциируется с умственными способностями человека, которые, подобно неподвижному, застывшему на месте дереву, не развиваются и не испытывают качественных изменений: *дуб дубом, голова еловая, пень березовый* (очень глупый человек).

Предметы повседневного быта также часто упоминаются во фразеологии обоих народов. Например, чернила в прежние времена повсеместно в России использовались для письма. Больше всех их расходовали государственные служащие, которые писали много ненужных документов. Отношение к таким людям отразилось в выражении *чернильная душа* (канцелярский чиновник, бюрократ). Во французской фразеологии чернила упоминаются как жидкость, оставляющая осадок на стенках стеклянной емкости, в которой она хранится. Из-за осадка стекло становится мутным, непрозрачным, что мешает разглядеть и понять содержимое: *la bouteille à l'encre* (запутанная, непонятная ситуация, неразрешимая проблема).

Большая часть паремиологических единиц русского языка с компонентом «душа» передаются паремиологическими единицами

французского языка с компонентом «cœur» (сердце). Данный факт можно объяснить различием в этническом стереотипе восприятия этого понятия. Если у француза душа ассоциируется чаще с религиозным понятием, то в сознании русского это не столько «божественное», сколько «человеческое». У русского народа в национальной системе ценностей на первом месте стоит стержневое понятие, превалирующее над рассудком, умом и здравым смыслом – духовность, душа. Приведем несколько примеров: *de tout mon Cœur* – от всей души; *briser (crever) le cœur* – причинить душевную боль, *le cri du cœur* – крик души, *mon cœur* – душа моя, *aller (droit) au cœur* – брать за душу, *dans le secret de son cœur* – в глубине души, *épancher son cœur* – излить свою душу.

В языковой культуре также присутствуют обороты, значение которых можно объяснить лишь после изучения мотивирующего основания, выявляющие национальные черты. Французскую поговорку *Secret de Polichinelle* (букв. ‘секрет Полишинеля’) можно услышать в ответ на просьбу сохранить в тайне то, что уже давно предано огласке. Полишинель – это постоянно действующее лицо многих французских пьес (подобно русскому персонажу Петрушка). Этот персонаж был неизменным главным героем кукольных комедий, он часто смешил публику, сообщая «по секрету всему свету» (русский аналог) то, о чем знали и не говорили другие герои пьесы. Отсюда секрет Полишинеля – то, что уже давным-давно всем известно. Объем значения русского оборота шире (всему свету), чем французского, где оно персонифицировано и предметно ориентировано.

В случае с поговоркой *здоров как бык* носитель русского языка вряд ли станет задумываться над тем, почему так говорят о крепком, выносливом, редко болеющем человеке, так как в русской символике бык олицетворяет возрождающую, производительную силу. Другое дело, когда та же образная ситуация становится менее понятной в ситуации соприкосновения с французским языком – *se porter comme le Pont-Neuf* (букв. ‘чувствовать себя как Новый мост’). Новый мост – это старейший и один из наиболее крепких

парижских мостов, построенный около четырёхсот лет назад при Генрихе IV. В современной речи, когда француз хочет сказать, что у кого-то крепкое здоровье, он сравнивает его состояние с Новым мостом. Прежде мост был очень оживленным, на нём играли фарсы, а прохожие останавливались, чтобы посмотреть выступления актёров и певцов.

А вот интересная русская поговорка *быть в шоколаде* и французское выражение *être chocolat* имеют прямо противоположное значение. В русском языке шоколад всегда ассоциировался со сладким лакомством, в котором нет горечи, поэтому это выражение и означает «быть в достатке, быть счастливым, ни в чем не нуждаться». Но в разговорном французском языке подобное выражение является антонимичным: «быть обманутым, остаться в дураках, потерпеть фиаско». Данное значение происходит от старинной денежной французской игры «Bonneteau», целью которой является обман игрока. Человеку предлагалось угадать, под каким стаканом находится спрятанный шарик после быстрой смены их мест. Термином «le chocolat» назывался соучастник ведущего, который незаметно старался отвлечь игрока, тем самым заставляя его потерпеть поражение. Отсюда и пошло такое истолкование французской поговорки *être chocolat*.

Национальная специфика наблюдается и в случаях использования одинакового компонента в составе фразеологизма. Например, сравним русское выражение *в руке божией* и французское выражение *bras/main de Dieu* (букв. ‘рука/кисть Бога’). Оба французских слова *bras* и *main* на русский язык переводятся как «рука». Но если *bras* – это полный эквивалент «руки» как верхней конечности от плеча до кончиков пальцев, то *main* означает «кисть» – часть руки от запястья до кончиков пальцев. Несомненно, сам оборот реализует символическое значение «власть», но по-разному представленное. Компоненты *рука* и *кисть* соотносятся по семантическому принципу «целое-часть». Поэтому сама «власть» для русскоговорящих является только всеобъемлющей (компонент «рука»), впрочем, как и для французов – *bras de Dieu*, но вариант *main de Dieu* указывает лишь на часть

реализуемой власти. Возможно, это символ не полного вмешательства и руководства судьбами людей со стороны субъекта, а лишь помощь, подсказка или поддержка, позволяющая войти в нужное жизненное русло.

Также обратим внимание на такое русское понятие, как *белая ночь* и сопоставимый с ним французский аналог *nuit blanche* (букв. 'ночь белая'). По компонентному составу приведённые структуры являются абсолютно идентичными, однако на уровне семантики приведенных выражений прослеживается разница. В основу русского оборота положена особенность некоторых участков поверхности Земли, находящихся за Полярным кругом, где при определенном положении планеты относительно Солнца не наблюдается (или наблюдается частично) переход светлого времени суток в темное. Во французском языке данный фразеологизм предпочтительно употребляется со значением «бессонная ночь», поэтому может возникнуть некоторое фактическое несогласование с русским «природный феномен». Как видно, внешняя идентичная организация паремиологических единиц разных языков не всегда является показателем их семантической тождественности.

Разница в значениях паремий не всегда имеет какое-то конкретное пояснение их происхождения, иногда это объясняется национальной ассоциацией. Например, для характеристики молчаливого человека русские люди используют выражение *набрать в рот воды*, а вот француз считает, что этому человеку могли зашить рот: *avoir la bouche cousue*. А вот для выражения необходимости не говорить ничего лишнего и быть осторожным в высказывании русские скажут, что нужно *держаться язык за зубами*, а французы – в тепле: *tenir sa langue au chaud* (букв. 'держаться свой язык в тепле'). Русское выражение *совать нос в чужие дела* означает вмешиваться в жизнь окружающих людей, французский аналог звучит как *mettre les pieds dans les affaires de qn* (букв. 'совать ноги в чьи-либо дела'). В этих выражениях произошла метафорическая дифференциация, отрицательной коннотацией в русском языке является нос, а во французском – нога, причем

следует обратить внимание на множественное число существительного. Во французском представлении в чужие дела вмешиваются не одной ногой, а сразу обеими.

Приведем еще несколько примеров паремиологической разницы, основанной на народных ассоциациях:

- рус. *сухой как порох* – фр. *sec comme un coup de trique* (букв. ‘сухой как удар дубиной’);
- рус. *бояться как огня* – фр. *craindre comme la peste* (букв. ‘бояться как чумы’);
- рус. *тонкий как тростинка* – фр. *mince comme un courant d'air* (букв. ‘тонкий как сквозняк’);
- рус. *черный как смоль* – фр. *noir comme encre* (букв. ‘черный как чернила’);
- рус. *желтый как воск* – фр. *jaune comme un citron* (букв. ‘желтый как лимон’).

Рассмотрев наглядную разницу фразеологических выражений двух языков, можно уделить отдельное внимание каждому этносу и, основываясь на семантике национальных паремиологических единиц, проследить, какие доминирующие черты характера отражают народные пословицы и поговорки. Национальный характер обнаруживается в свойственном только для данного этноса «наборе общечеловеческих черт, в неповторимом их сочетании» [Костомаров, 1994: 10]. Во фразеологии запечатлеваются либо наиболее характерные для данного этноса черты, либо наиболее яркие и потому отчетливо запоминающиеся.

Вначале рассмотрим некоторые из присущих французскому народу качеств характера, вербализуемых паремиологическими единицами. Одной из основных черт французского характера является совесть. В представлении французского этноса совесть может обладать такими же свойствами, как и предметы или субъекты реального мира. В паремиологических единицах *la conscience nette* (чистая совесть), *avoir bonne*

conscience (иметь чистую, спокойную совесть) совесть приобретает свойство чистоты. В компаративах *avoir la conscience large comme la manche d'un Cordelier* (букв. 'иметь совесть широкую как рукав монаха'), *froid comme un concombre* (букв. 'холодный как огурец') с общим значением «быть бессовестным» совесть сравнивается с чувственными образами того, что человек может видеть или ощущать: *un concombre* (огурец), *la manche d'un cordelier* (рукав монаха).

Во фразеологическом фонде французского языка также широко представлено трудолюбие и работоспособность народа, так как французы очень деятельны и активны. Паремии, выражающие отношение к работе, демонстрируют высокую степень интенсивности выполняемого процесса, как правило, тяжелого и изнуряющего труда, исчерпывающего все физические силы: *travailler comme quatre* (работать за четверых), *travailler comme un cheval/un bœuf/une brute/une bête de somme* (работать как ломовая лошадь/как вол), *travailler comme un mercenaire* (работать как каторжный), *se tuer à la peine* (исчерпывать все свои силы), *bûcher comme un nègre* (работать как негр)

В то же время во французском обществе тунеядство и лень осуждаются и высмеиваются: *faire qch comme un cochon avec sa queue* (букв. 'как свинья со своим хвостом') – делать что-либо неумело, *adroit comme un prêtre normand* (букв. 'неловкий как нормандский монах') – крайне неловкий, неумелый.

Следует отметить, что французы с некоторой симпатией относятся к людям, которые могут отстаивать свои интересы, умеют найти способ избежать сложных жизненных ситуаций. Все приведенные ниже паремии характеризуют ловких и пронырливых людей: *se tirer d'affaire* (говорит о человеке, который смог уклониться, отделаться от неприятных обязанностей); *en être quitté à bon marché/compte* (характеризует того, кому удастся любым способом выкрутиться из затруднительной ситуации, беды или неловкого, иногда опасного положения, не пострадав при этом); *tirer l'épingle du jeu* (означает «ловко выпутаться из затруднительного

положения»); *l'échapper belle* (означает 'с трудом, едва избежать опасности' и принимает несколько ироничный оттенок).

Фразеологией подмечена также любовь французского народа к веселью, веселому времяпрепровождению, но при этом относятся к этому несколько с иронией, поскольку считают это уделом тех, кто не умеет или не хочет трудиться – детей (*un enfant*), власть имущих (*un prince, un roi*) и убогих (*un bossu, un fou*). Эти компоненты и содержатся в устойчивых компаративах: *s'amuser comme un bossu/un enfant/un prince/un roi* (веселиться напропалую), *s'amuser comme un fou* (кружиться в вихре удовольствий).

Во французском национальном менталитете также присутствуют паремиологические единицы, связанные с характерными чертами уроженцев некоторых регионов Франции (Нормандия, Гасконь, Бретань). Например, нормандец считается человеком осторожным, сдержанным, скрытным и хитрым, который предпочитает отвечать на вопросы двусмысленно, уклончиво, чтобы не попасть впросак, соответственно возникли паремии: *c'est un fin Normand* (он большой хитрец), *répondre en Normand* (дать уклончивый, двусмысленный ответ); гасконец славится красноречием и хвастовством, умеет с честью выйти из трудного положения, дав понять, что он не потерпел при этом поражения, так появились выражения: *agir en Gascon* (хвастаться, бахвалиться), *faire la lessive du Gascon* (пускать пыль в глаза), *se tirer en Gascon* (выкрутиться из неприятного положения); бретонец слывет некультурным, своенравным упрямым, что подтверждает выражение *de bas Breton* (необтесанный, некультурный) [Волошкина, 2009: 22].

Изучив в составе паремий присущие французскому населению черты и качества характера, стоит уделить внимание и русским пословицам и поговоркам, отражающим менталитет и дух русского народа.

Одними из преобладающих качеств русского характера и русской души являются смелость, упорство, героизм и мужество, которые издавна сложились в борьбе за русскую землю. Еще в 13 веке монголо-татары организовали нашествие на русскую землю, но русский народ не пожелал

мириться с властью монголо-татарского ига и вел непрерывную борьбу за независимость. На Куликовом поле Князь Дмитрий решил, что «честная смерть лучше позорной жизни», тем самым вселив в воинов уверенность, бесстрашие и желание свободы. С победой на Куликовом поле у русского народа появилась крепкая надежда освободиться от власти Орды, что и было достигнуто в последующие годы. В эпоху Петра Первого, чтобы открыть дверь в Европу, русский царь воевал со шведами более 20 лет, но в конечном итоге разбил шведское войско. Русский народ проявлял смелость и мужество также в двух Отечественных Войнах. В 1812 году, множество войск во главе с Наполеоном напало на Россию, но благодаря упорству и смелости русских воинов его нашествие закончилось полным поражением.

С первых же дней Великой Отечественной войны 1941 года Советскому Союзу пришлось иметь дело с очень серьезным противником, умеющим вести серьезную и масштабную современную войну. Русский народ не жалел ни сил, ни жизни для того, чтобы приблизить час победы над врагом. Плечом к плечу с мужчинами ковали победу над врагом и русские славянские женщины. Они мужественно сносили невероятные тяготы военного времени, они были беспримерными труженицами на заводах, в колхозах, в больницах и школах. «Победить или умереть» – так стоял вопрос в войне с германским фашизмом, и наши воины понимали это. Они сознательно отдавали жизнь за Родину, когда этого требовала обстановка. Приведем лишь малую часть примеров пословиц и поговорок, отражающих этот мужественный и отважный характер: *смелость города берет; смелость – начало победы; смелым помогает судьба; кто мужествен, тот смел; без смелости сила попадет на вилы; бой отвагу любит; бояться смерти – победителем не быть; глаз – трус, сердце – храбрец.*

Следующими ценными качествами русской нации считаются коллективизм и дружба. В произведении «Слово о полку Игореве» повествуется о важности единства и объединения для борьбы с врагами. И в двух отечественных войнах русский народ спланивался воедино, вставал на

борьбу с врагами и одерживал победу. Приведенные ниже пословицы отражают ценность единства, коллектива и дружбы: *один за всех, и все за одного; чем больше хвороста, тем выше пламя; один в поле не воин; одинокое дерево ветер валит; не имей сто рублей, имей сто друзей; друга ищи, а найдешь – береги.*

В древней Руси люди уважали умных людей, называли их «мудрецами» и всегда советовались с ними. Известный русский баснописец Крылов сказал: «Быть сильным хорошо, Быть умным лучше вдвое» и «Многие, хоть стыдно в том признаться, С умом людей боятся и терпят при себе охотней дураков». Поэтому можно заметить, что русский народ все время стремился и продолжает стремиться к знаниям и развивать интеллект. Также считается, что грамотному человеку необходимо читать книги для расширения границ своего ума и мышления, поэтому книги занимают ценное место в сознании русского человека и выполняют важную образовательную функцию: *на деньги ума не купишь; лучше быть слепым глазами, чем умом; ясный ум дороже золота; книга в счастье украшает, а в несчастье утешает; хлеб питает тело, книга питает разум.*

Как и французскому этносу, русскому народу присущи такие черты характера, как терпение и трудолюбие. Россияне считают, что терпение и смирение нужно иметь и для мира, и для войны. Более того, способный терпеть, способен добиваться всего, чего он хочет. Среди пословиц и поговорок мы находим много подтверждений трудолюбия русского народа, его умения концентрироваться на деле, результате: *терпение и труд все перетрут; на хотенье есть терпенье; торопливый дважды одно дело делает; удел жизни – терпение, ибо врагов больше, чем друзей; за один раз дерева не срубишь.*

Но если французы часто высмеивают леность, пассивность и апатию, то в русском менталитете эти качества присутствуют и характеризуются русским нарицательным термином «обломовщина», пришедшее из романа И.А. Гончарова «Обломов», главный герой которого беспрестанно пребывает

в состоянии лени и нежелания делать что-либо полезное. И этой «обломовщине» также есть подтверждение в русском фольклоре: *двое пашут, а семеро руками машут; сидеть на печке, плевать в потолок; послал Бог работу, да отнял черт охоту; ленивому всегда праздник; у лодыря что ни день, то лень; проглотить-то хочется, да прожевать лень.*

Из вышеперечисленных примеров мы наглядно видим, насколько отличаются значения и образы русских и французских фразеологических единиц. Внутренняя составляющая паремий объясняет семантические и стилистические различия между пословицами и поговорками одного синонимического ряда, но в любом случае внутренний образ помогает нам вскрыть пути формирования фразеологических единиц и их этнические особенности. Анализ внутренней формы – это основной способ демонстрации национально-культурной самобытности фразеологических единиц как русского, так и французского языка. Из внутренней формы можно черпать культурное знание: в ней содержатся элементы, придающие национально-культурный колорит. При этом эти элементы могут быть связаны с самыми разнообразными сферами человеческой жизни: с историей народа, сферой материальной культуры, ассоциативными представлениями и т.д. Изучение национального характера того или иного народа в зеркале фразеологии представляется неотъемлемой частью исследования национального менталитета и национальной картины мира, в которой отражаются мировоззрение и миропонимание этноса.

Так, паремиологические единицы можно назвать своеобразным «микрофольклором» народа [Слепушкина, 2009: 42]. Они сохраняют и воспроизводят менталитет и культуру народа, отражают черты характера, мировосприятие, образ жизни представителей того или иного этноса. При этом паремии не прямо называют предмет, а характеризуют его посредством определенного образа, который воспринимается носителями языка в соответствии с их знанием своей культуры, с их компетенцией. В основе

этой образности лежит не единичный элемент действительности, а определенный фрагмент мира и культуры.

1.4. Выводы

На протяжении всех веков и по настоящий момент проблемой понимания человеческого мира считается осмысление его культуры, без изучения которой невозможно постичь присущее тому или иному этносу мировидение. В культуре каждого народа есть общечеловеческий компонент, обусловленный единством видения мира людьми разных культур, и этнонациональный компонент, который проявляется в психологии народа, его традициях, быте и культуре. Исследование человеческого фактора в языке тесно связано с изучением языковой картины мира, в которой отражается влияние на восприятие и отражение действительности. Языковая картина мира – это определенный способ концептуализации действительности, при этом данный способ является отчасти универсальным, отчасти национально специфичным, так как носители разных языков могут видеть мир по-разному, сквозь призму своих языков.

В ходе изучения культуры определенного народа особое внимание уделяется таким фразеологическим единицам, как паремии. Под термином «паремия» исследователи понимают афоризмы народного происхождения, в первую очередь пословицы и поговорки, которые образуют относительно самостоятельный пласт языковых выражений. Считается, что народные пословицы и поговорки наиболее точно выражают мировоззрение и культуру нации. Исследованием и анализом паремиологических единиц занимается наука «лингвокультурология». Лингвокультурологический подход к изучению и описанию фразеологических единиц позволяет выявить культурную семантику фразеологических единиц разных типов, национально-культурную специфику фразеологических единиц, а также

особенности функционирования фразеологических единиц в роли культурных знаков в дискурсах разноструктурных языков и в ареале разных типов культур. Лингвокультурологический анализ представляет собой путь, по которому мы проникаем в ментальность нации.

Каждый язык способен отражать культурно-национальную ментальность его носителей. Фразеологические единицы являются средством накопления и передачи эталонов и стереотипов национальной культуры. В них находят отражение и аккумулируются все материальные и духовные ценности, вырабатываемые человечеством на протяжении веков и характерные для культуры определенной общности.

Лексический состав любого языка наиболее тесно связан с материальной и духовной культурой, с внеязыковой действительностью, а фразеологический и паремиологический фонды языка представляется ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, так как во фразеологических единицах закрепляются и реализуются результаты лингвокреативного мышления человека, продукты его отражательной мыслительной деятельности. Это позволяет рассматривать фразеологические единицы как ментальные образы. Владение фразеологическими единицами намного облегчает восприятие аутентичных текстов, развивает умение преодолевать интерференцию на уровне лексико-грамматических форм, умение соотносить элемент действительности с элементом речи, обогащает новыми структурами и образами для описания, сравнения или характеристики людей, поступков и событий. Как отмечал М. Горький: «В простоте слова – самая великая мудрость. Пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».

ГЛАВА II. Семантические и прагматические особенности паремиологической репрезентации концепта «animal» во французской и русской лингвокультурах

2.1. Особенности паремиологической вербализации концепта «animal»

Изучение культуры и быта того или иного этноса неразрывно связано с изучением языка, ведь посредством языка передается мировоззрение народа. Одним из основных способов демонстрации в языке культурной составляющей народа считаются паремиологические единицы, содержащие в себе определенные национальные ценности, ассоциации и стереотипы. Исходя из этих соображений, изучение паремиологического фонда языка представляет большую значимость для ученых-лингвистов. Анализ отдельных групп лексики (зоонимов, фитонимов, флоронимов, топонимов, андронимов и т. д.) позволяет выявлять концептуальные сближения и расхождения в картинах мира, устанавливать связи между языковыми фактами и архетипическими, национально-культурными особенностями сознания.

Зоонимы (наименования животных) в составе паремиологических единиц привлекают внимание отечественных лингвистов на протяжении двух последних десятилетий, поскольку именно анималистическая фразеология считается наиболее близкой к народному быту. Издавна наши предки верили, что между человеком и животным существует родство, именно поэтому каждое племя выбирала себе определенное животное в качестве священного и неприкосновенного тотема. Тотемизм был распространен у всех народов, а его пережитки сохранились в религиях. Следовательно, зоонимы являются одним из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Находясь в постоянном соприкосновении с животным миром, человек наблюдал за внешним видом и повадками животных, а с течением времени характеристики животных стали ассоциировать с

человеческими качествами, тем самым включив большинство наименований особей животного мира в устойчивые выражения: «хитрый как лиса», «трусливый как заяц», «неуклюжий как медведь» и т.д. Любопытное замечание сделала З.Е. Фомина: «Человек – продукт живой природы, составная часть живого мира, который ищет параллели в живом мире, мире себе подобных, в мире фауны. Зоонимы становятся своеобразным олицетворением, символами моральных и интеллектуальных качеств человека, то есть «помимо реального значения содержат нечто специфическое, дополнительное, смутное, не вполне известное, спрятанное от нас» [Фомина, 1998: 97].

В каждом языке мира мы можем обнаружить паремиологические единицы с анималистическим компонентом, причем основным способом их образования является метафоризация, т.е. скрытое сравнение свойств или действий, характерных для одного класса объектов с характерными свойствами или действиями другого класса объектов. Одним из параметров метафоризации является антропоцентричность, ведь, как мы выяснили ранее, культура неразрывно связана с человеком, является продуктом человеческой деятельности и находит своё отражение в языке. Так, когда речь идет об антропоцентрических паремиологических единицах, имеются в виду поговорки, в которых человек описывается с помощью объектов окружающей его действительности, в частности животных. Так как в анималистических поговорках присутствует метафорический перенос «человек-животное», большое внимание при их изучении уделяется физическим, внешним, нравственным, эмоциональным и психологическим характеристикам человека. Но в каждом языке заключается определенный код культуры, доступный в полной мере только носителям данной культуры или людям, ознакомленным с доминирующими стереотипами и ассоциациями данной нации.

При изучении французских и русских паремиологических единиц мы обнаружили как универсальные для обоих языков, так и уникальные для

каждого языка анималистические выражения, и разделили их на три группы (Приложение). Для начала мы остановимся на первой группе паремий, в составе которых присутствуют зоонимы, имеющие одинаковое метафорическое употребление во французском и русском языках:

- бык (boeuf) характеризуется крепостью, выносливостью и производительной силой: *fort comme un boeuf* (сильный как бык), *travailler comme un boeuf* (работать как вол);

- кошка (chat) и обезьяна (singe) в представлении обеих культур являются ловкими и проворными животными: *agile comme un chat* (проворный как кошка), *adroit comme un singe* (ловкий как обезьяна);

- неуклюжесть ассоциируется с русским национальным животным – медведем (ours): *avoir «la légèreté» d'un ours* (быть неуклюжим как медведь). Слово *légèreté* с французского языка переводится как «легкость», но в данном выражении оно имеет ироническое значение и заключено в кавычки;

- свинья (cochon) имеет отрицательную коннотацию и является доминирующим символом неряшливости, нечистоплотности и неаккуратности: *gras comme un cochon* (жирный как свинья), *manger comme un cochon* (есть как свинья), *sale comme un cochon* (грязный как свинья);

- петух (coq) – национальный символ Франции, символизирующий гордость, честолюбие и деловитость – в русском представлении имеет похожую ассоциацию: *fier comme un coq* (гордый как петух), *amoureux comme un coq* (любвеобильный как петух), *faire le coq* (петушиться);

- заяц (lièvre) и кролик (lapin), являющиеся объектом охотников, символизируют скорость и стремительность, с которой они спасаются от охотничьих собак: *courir comme un lapin* (убегать как заяц), *se sauver comme un lapin* (пуститься наутек);

- лев (lion), царь всех зверей, всегда был символом отваги и храбрости: *courageux comme un lion* (отважный как лев), *brave comme un lion* (храбрый как лев);

- волки всегда были дикими лесными животными, поэтому за неимением постоянной еды, которая присутствует у домашних животных, волки обязаны охотиться и добывать пищу самостоятельно. Исходя из этого, основной ассоциацией, связанной с волком, является голод: *faim de loup*, *avoir faim comme un loup* (волчий голод, быть голодным как волк);

- лиса (*renard*), персонаж русской басни И.А. Крылова «Ворона и лисица» и французской басни Ж. де Лафонтена «Le corbeau et le renard», в содержании которых животное хитростью выманивает кусок сыра у ворона, считается символом лукавства, притворства и хитрости: *rusé comme un renard* (хитрый как лиса), *agir en renard* (хитрить, лукавить), *tirer au renard* (отлынивать от работы), *fin renard* (проныра, хитрец);

- обезьяна (*singe*) в обеих культурах может ассоциироваться с человеком-кривлякой, который часто подражает другим или имитирует их привычки, манеры и действия: *faire des grimaces comme un singe* (кривляться как обезьяна).

Несмотря на общее метафорическое значение вышеприведенных животных, некоторые из них также обладают и второстепенными характеристиками, подразумевающими совершенно различные в обоих языках качества, ведь наблюдения за поведением, привычками и внешним обликом животных по-разному представляются в сознании носителей каждого языка. У каждого народа складываются свои, специфические системы зоосемических образов, в которые каждое отдельное образное представление о том или ином животном вписывается как элемент. Так, ко второй группе паремий относятся животные, метафорическое представление о которых частично отличается в обеих культурах. Наряду с общими признаками, каждый зооним подразумевает еще какие-то своеобразные черты, не присущие его аналогу в другом языке.

Для начала рассмотрим таких домашних животных, как баран (*mouton*) и осел (*âne*), которые в сознании русского человека ассоциируются с глупым упрямством и непокорным нравом: *глупый как осел*, *уперся как баран*,

скрутить в бараний рог (добиться от кого-либо покорности), *смотреть как баран на новые ворота* (смотреть растерянно, ничего не понимая). Но для француза только осел является символом глупости и упрямства: *têtu comme un âne* (упертый как осел), *bête comme un âne* (глупый как осел), *âne bate* (невежда), а вот баран представляет собой нежность и кротость: *doux comme un mouton* (кроткий как барашек).

Представитель крупного рогатого скота бык (*boeuf*), ассоциирующийся в первую очередь с силой, стойкостью и неутомимой работоспособностью, во французском представлении может также характеризовать и человека заторможенного и долго думающего, одним словом – тугодума. В этом значении данный зооним употребляется во французской паремии *lourd comme un boeuf* (букв. ‘тяжелый как бык’).

Дикие животные также могут порождать неодинаковые ассоциации в представлении обоих народов. Например, заяц (*lièvre*), как мы упомянули выше, первоначально ассоциируется со скоростью, быстротой и стремительностью. Но во французской культуре также бытует мнение, что заяц может возвращаться в то место, которое он покинул, спасаясь бегством от охотников. Это замечание дает повод предположить, что у зайца плохая память, поэтому во французском языке существует сравнительный оборот *mémoire de lièvre*, характеризующая очень слабую память. Русские же заметили, что заяц очень труслив, осторожен, никого не подпускает к себе близко и стремительно убегает от охотников из-за боязни стать их добычей. Эта особенность его поведения отражена в поговорках *труслив как заяц* (очень труслив), *заячья душа* (трусливый человек). Ввиду того, что заяц – хороший бегун, по мнению французов, он всегда ищет восходящие местности, так как короткие лапы помогают ему добираться до местности, склон которых отвесен. Поэтому зайца сравнивают с человеком, который ищет высоты: *courir le même lièvre* (стремиться к той же цели).

К тому же, так как заяц является главным объектом охоты, во французском представлении ему необходимо всегда быть чутким,

проворным и сообразительным, на основе этого суждения существуют выражения *avoir les yeux ouverts comme un lièvre* (быть всегда бдительным, начеку), *dormir en lièvre* (чутко спать). Французское выражение с данным компонентом *prendre le lièvre au collet* также возникло на основе ассоциации, что зайцы очень быстрые, ловкие и изворотливые, поэтому «взять зайца за холку» для француза означает «действовать решительно, не теряя времени; перейти к сути дела». А вот в русском языке в аналогичном выражении употребляется другой зооним – бык: *взять быка за рога*, так как в русском менталитете больше ценится не скорость, а сила.

Зооним «обезьяна» (*singe*) в обеих культурах может ассоциировать как с ловким человеком, так и с кривлякой. Но своеобразную коннотацию это животное приобретает во французском менталитете при обозначении очень хитрого человека: *malin comme un singe* (букв. ‘хитрый как обезьяна’). В русском образном сознании хитрость обезьяне никогда не приписывается, это свойство прочно связано с образом лисы.

Следующим изученным нами зоонимом является петух (*coq*). Как мы уже заметили, петух является символом гордости, напыщенности, заносчивости и высокомерности в обеих культурах. Однако во Франции данный зооним может употребляться как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Например, выражения *se battre comme un petit coq* (быть задирой), *un coq est bien fort sur son fumier* (и петух на своём пепелище храбрится), *un bon coq n'engraisse jamais* (драчливый петух жирен не бывает) указывают на такие черты характера человека, как задирчивость и высокомерность. А поговорки *coq de paroisse* (букв. ‘приходской петух’) и *c'est un beau coq* (букв. ‘это красивый петух’) положительно описывают молодого и привлекательного парня. Также русскому выражению *красный как рак* аналогично соответствует французское выражение *rouge comme un coq*, так как в представлении француза красный цвет относится к животному миру, в частности к птицам (если рассматривать птицу как добычу, то разрядись она в красный цвет, ее было бы заметно за десятки километров).

Поэтому французы и наделяют петуха красным цветом, ярким и вызывающим. А вот в русском менталитете раскрасневшегося человека сравнивают с раком из-за его насыщенного пунцового цвета в стадии готовности, а петуху приписывается скорее золотой оттенок, нежели красный. Теперь рассмотрим один широко распространенный русский оборот *кататься как сыр в масле* (жить в полном довольствии и достатке), ведь издавна сыр, творог и масло являлись символами благополучия. Но у каждого народа свои представления об этом. В этом случае французы в устойчивом выражении употребляют в качестве зоонима свой национальный символ. Они говорят *vivre comme un coq en pâte* (букв. 'жить как петух в тесте'), полагая, что жизнь петуха в тесте является символом достатка. Говоря о петухе, несомненно, стоит упомянуть еще одну домашнюю птицу – курицу (*poule*). В русской культуре существует намного меньше выражений с данным зоонимом, наиболее распространенное – *мокрая курица*, используемое для описания трусливого, беспомощного и вызывающего жалость человека.

Данное сравнение основано на внешнем облике курицы, промокшей под дождем, ведь утки, гуси и другие водоплавающие птицы имеют непромокаемое оперение, и в дождливую погоду они выглядят так же, как и в ясную. Но домашним птицам (курам, индюшкам) повезло меньше, и после дождя их вид представляет довольно жалкое зрелище. Во французском языке существует аналогичное выражение *une poule mouillée* (мокрая курица). Это единственное выражение, имеющее схожее значение в обоих языках и имеющее отрицательную коннотацию. В большинстве случаев, французы используют зооним «курица» для описания достатка и хорошего жизненного положения. Этот факт подтверждают следующие пословицы: *la poule au pot* (букв. 'курица в супе') характеризует жизнь в довольстве, без нужды. Это выражение появилось еще при короле Генрихе IV, выразившем желание, чтобы по воскресеньям у каждого французского крестьянина в супе была курица. Также существуют выражения *la poule aux œufs d'or* (золотая жила),

poule de voisin paraît oie (букв. ‘соседская курица кажется гусем’, русским аналогом является *хороша рыба на чужом блюде*), *fil de la poule blanche* (букв. ‘сын белой курицы’, русский аналог – *в рубашке родился*) для характеристика удачливого человека (счастливчика), так как белая курица считается селективной и специально выведенной породой. Так, зоонимы «петух» и «курица» во французском языке являются более ценными и семантически значимыми, в русском языке при метафорическом переводе эти зоонимы либо передаются другими животными, либо вовсе отсутствуют.

Заключительными в данной группе являются домашние животные «коза» (**chèvre**) и «козел» (**bouc**). В обоих языках эти представители парнокопытных имеют отрицательную коннотацию, но по популярности употребления зоонимов русский язык уступает французскому. Самое известное русское выражение – *козел отпущения* – характеризует человека, на которого несправедливо возложили ответственность за промахи других людей и сделали виноватым за неудачи. Французский аналог звучит как *un bouc emissaire*. Рассмотрим также устойчивое словосочетание «сидорова коза», фигурирующее в исконно русском выражении *драть как сидорову козу*. Данный оборот, реализующий значение «жестокая и безжалостная порка», построен на переносном значении слов Сидор и коза. Сидором в народе называли злого и жадного человека, который мог даже собственную козу не пожалеть, если та забиралась к нему огород. Во французском языке характеристика этого животного имеет немного другой оттенок, коза для французов ассоциируется скорее со вспыльчивостью, нетерпением, непредсказуемостью и капризностью: *devenir chèvre* (проявлять нетерпение, нервничать), *avoir la chèvre* (горячиться по пустякам), *un peu chèvre* (немного взволнованный), *capricieux comme une chèvre* (очень капризный и своенравный).

Своеобразие разных языков отчетливо проявляется также и в том, какие именно названия животных приобретают в них функцию образной характеристики человека. При сопоставлении русского языка с французским

в этом смысле обнаруживается между ними немало различий. Существует целый ряд одинаково хорошо знакомых для носителей обоих языков зоонимов, которые в одном языке развивают устойчивое образное значение, а в другом нет, а также зоонимы, иноязычные аналоги которых не подвергаются метафоризации. Именно такие наименования животных и составляют третью группу изученных паремиологических единиц.

Так, например, русское слово «бегемот» метафорически обозначает человека безобразно толстого, неуклюжего, неповоротливого и является характеристикой более резкой и экспрессивной, чем близкая по смыслу характеристика «слон». Французское же слово «hippopotame» как устойчивая характеристика не употребляется, возможно, из-за значительной по сравнению с другими французскими словами длины этого слова. Во французском языке таким явлением обладает зооним «chameau» (верблюд), используемый для характеристики злобного и нехорошего человека: *Quel chateau!* (прескверный человек) Русское «верблюд» не связано прочно с каким-то определенным признаком, хотя и несет в себе потенциально отрицательную экспрессию. Оказионально можно назвать верблюдом уродливого человека, например имеющего большой горб, а также того, кто плюется (на базе устойчивого сравнения «плюется как верблюд»). Но при отсутствии мотивировки в контексте или в ситуации это слово воспринимается как «пустая» характеристика.

Французское выражение *rire comme une baleine* и русское выражение *ржать как лошадь* имеют одно и то же лексическое значение. Однако русский народ громкий и вызывающий смех сравнивает с лошадиным ржанием, а во французском языке подобная характеристика сравнивается с китом, что объясняется внешностью кита: благодаря огромному рту, расположенному в передней части тела, кажется, что кит постоянно улыбается и пребывает в хорошем настроении. Именно поэтому громко смеющегося человека французы сравнивают с образом кита.

Зооним «крыса» в русском языке часто употребляется для описания отвратительного и подлого человека, хотя его отрицательные качества не конкретизируются. Во французском же языке крыса (*rat*) имеет переносное значение – тоже отрицательное, но совершенно конкретное, обозначающее скупого человека: *avare comme un rat* (букв. ‘скупой как крыса’). В то же время в обоих рассматриваемых языках существительное «крыса» может выступать в сравнениях как эталон нищеты: *бедный как церковная крыса* – *pauvre comme un rat d’église*. Также обратимся к Французскому выражению *avoir des rats dans la tête*, характеризующего человека с некоторыми странностями или причудами, так как для французов крыса также символизирует недостаток рассудка и отклонения от нормы в плане разумного поведения. Для русского человека носителем таких свойств является таракан, поэтому для характеристики подобных свойств используется выражение *тараканы в голове*.

Теперь обратимся к выявлению национально-культурной специфики языковой единицы «ours» (медведь) во французском языке. Для французов медведь является не только символом неуклюжести, а также злобности, угрюмости, грубости и даже неряшливости. Приведем примеры: поговорка *ours mal léché* служит для описания грубияна и неотесанного человека, а выражение *être fait comme un mineur d’ours* – для характеристики неряшливого и плохо одетого человека.

Во французском языке распространенным зоонимом также является слово «puce» (блоха), используемое для описания тревоги или беспокойства: *avoir la puce à l’oreille* (сильно тревожиться, беспокоиться), *être excité comme une puce* (быть излишне суетливым). Данные выражения появились в XIV веке, когда блохи были почти у каждого человека. Из-за того, что человек постоянно чесался и дергался, он казался тревожным и беспокойным. К тому же в XVII веке у французов была забава, когда возлюбленный ловил блох или вшей на теле своей второй половины. Пойманную блоху молодой человек клал в ювелирную шкатулку-клетку и носил ее на шее. Скорее всего,

именно благодаря данной забаве мужчины иногда называют своих возлюбленных «та рисе» (моя блошечка). В русском же языке единственное выражение, которое ассоциируется с данным насекомым, это *блоху подковать* (виртуозно выполнить очень тонкую работу). Появился данный фразеологизм благодаря рассказу Н.С. Лескову «Левша», где главный герой смог подковать блоху, чтобы показать умения русских мастеров.

Следующий случай отсутствия метафорического перевода с французского языка на русский присутствует в паремиологической единице *être gourmand comme un chat* (букв. ‘любить вкусно поесть как кошка’). Это объясняется тем, что в русском языке идею любви к сладкому включает в себя образ медведя, но использование его в образном сочетании было бы гораздо более грубо, чем звучит во французском языке. Если сравнивать образы маленького кота и огромного медведя, то сладкоежкой гораздо естественней называть именно кота, поэтому и прибегают к демегафоризации выражения, используя в качестве перевода слово «сладкоежка».

Говоря о зоониме «кошка» (*chat*) следует отметить, что во французском языке он входит в группу наиболее популярных, при этом он не имеет какой-либо конкретной ассоциации и может употребляться в самых разнообразных случаях. В переводе на русский язык выражение чаще всего выступает перефразированным, а слово «кошка» и вовсе в нем отсутствует. Например: *appeler un chat un chat* (букв. ‘называть кошку кошкой’) – называть вещи своими именами, *il n’y a pas un chat* (букв. ‘нет кошки’) – нет ни души, *retomber comme un chat sur ses pattes* (букв. ‘упасть как кошка на лапы’) – выйти сухим из воды, *il ne faut pas réveiller un chat qui dort* (букв. ‘не стоит будить спящую кошку’) – не буди лихо, пока оно тихо, *avoir joué avec les chats* (букв. ‘поиграть с кошкой’) – нет живого места, *il n’y a pas de quoi fouetter un chat* (букв. ‘не за что бить кошку’) – дело выеденного яйца не стоит, *écrire comme un chat* (букв. ‘писать как кошка’) – писать как курица лапой, *maigre comme un chat de gouttière* (букв. ‘тощий как бродячая кошка’) – худой как

щепка. В приведенных случаях основным пунктом различия французских и русских устойчивых выражений является объект: во французских поговорах в большинстве случаев объектом действия является кошка, а в русских поговорах – неодушевленный предмет или другой зооним. Можно обнаружить и небольшую семантическую разницу в, казалось бы, идентичных поговорах: сравним русскую поговорку *ободранная кошка* (характеризует слишком худую и изможденную женщину) и французскую *chat écorché* (имеет значение «замухрышка»). Образы этих поговорок очень близки, однако один и тот же образ получает разные интерпретации. В русской языковой картине мира акцентируется объем тела и состояние здоровья, так как густая шерсть является показателем здоровья животного. Во французской картине мира на первый план выступает красота и привлекательность, поскольку густая шерсть у кошки – это показатель ее красоты.

В предыдущей группе паремиологических единиц с компонентом зоонимом мы упомянули животное, с помощью которого французский народ характеризует человека с плохой памятью – *mémoire de lièvre*. Здесь можно также отметить французское выражение, прямо противоположное предыдущему – *mémoire d'éléphant* (букв. 'память слона'). Данная поговорка во французском языке служит для характеристики прекрасной памяти, она возникла на основе того факта, что слоны обладают блестящей памятью. Обитая на огромной территории, они находятся в вечном поиске водных источников не только для утоления жажды, но и для купания, ведь у слонов очень тонкий слой кожи, а из-за отсутствия шерсти вода является единственным источником ее защиты. И благодаря великолепной памяти слон точно запоминает все водные источники, встречающиеся на его пути, и всегда может найти доступ к воде. К тому же, если слон однажды увидит человека в зоопарке, то узнает его и через несколько лет, когда тот вновь вернется посмотреть на животных. В русском языке отсутствует зооним, характеризующий блестящую память, а вот для описания слабой памяти,

русский человек использует следующее сравнение: *память как у рыбки*, так как факт, что у рыб память длится три секунды, является общеизвестным.

Изучив анималистическую картину паремиологического фонда французского и русского языков, можно отметить, что системы образных представлений, сложившиеся у национально-языковых коллективов, говорящих на русском и французском языках, имеют как схожие, так и различные представления о животном мире и образах, основанных на зооморфных характеристиках. Национальная специфика паремиологических единиц с компонентом-зоонимом проявляется в различных видах человеческой деятельности, черт характера, положительных или отрицательных личностных качествах людей. Источниками национально-специфических особенностей паремиологических единиц с компонентом-зоонимом могут служить различия животного мира, особенности жизненного уклада, характер трудовой деятельности, ценности, исторические условия формирования языка и многие другие факторы.

В результате исследования нами были выявлены три основные группы названий русских и французских животных. Первая группа включает зоонимы, имеющие одинаковые метафорические употребления в двух языках. Ко второй группе относятся те названия животных, которые различаются некоторыми метафорическими смыслами в языках. Третью группу составляют зоонимы, иноязычные аналоги которых не подвергаются метафоризации. Восприятие фразеологизмов с анималистическим компонентом в русском и французском языках сильно отличается. Достаточно большое количество фразеологизмов с анималистическим компонентом имеют полные или частичные эквиваленты, что объясняется совпадением мысленного отображения реальной действительности у носителей данных языков и общих элементов культуры. Однако, вследствие различия культурных факторов, этнических особенностей, разных языковых картин мира многие фразеологизмы с компонентом зоонимом имеют значения, которые понятны только носителям определенной культуры.

Следует отметить, что в обоих языках разработана целая система метафорических значений названий животных. Например, в русском языке: заяц – трусливый человек, лиса – хитрый человек, медведь – неуклюжий человек, муравей – трудолюбивый человек, олень – благородный человек, сокол – зоркий человек, орел – гордый человек, баран – упрямый человек, удав – спокойный человек, сова – мудрый человек, черепаха – медленный человек. Во французском языке: *abeille* (пчела) – трудолюбивый человек, *crocodile* (крокодил) – лицемерный человек, *herisson* (ёж) – человек с тяжелым характером, *renard* (лиса) – хитрый человек, *crapaud* (жаба) – страшный человек, *coq* (петух) – кичливый и самовлюбленный человек, *lion* (лев) – храбрец, *vache* (корова) – дурной, неразумный человек, *escargot* (улитка) – медленный человек, *dindon* (индюк) – глупый человек, *poule* (курица) – глупая женщина, *bois* (козел) – неприятный человек, *cochon* (свинья) – нечистоплотный человек.

Во французском и русском языках, зоонимы являются важнейшей частью номинативной лексики и источником создания метафор. Метафоры обуславливаются общечеловеческими психическими закономерностями. Но каждый народ подмечает из множества признаков объектов те, которые соответствуют его характеру, образу жизни, сознанию. Изучение фразеологии как отражения менталитета определённого этноса имеет огромное значение в настоящее время, поскольку фразеологизм, являясь достоянием народного национального языкового сознания, становится важнейшим средством концептуального членения и освоения мира. Фразеологические единицы наиболее ярко передают богатый опыт народа, его быт, в них проявляется вся уникальная специфика культуры. Изучение паремиологического фонда языка способствует изучению традиций, мировоззрения данного языкового коллектива, выявлению национальных черт характера, а также особенностей менталитета.

2.2. Специфика паремиологической репрезентации концепта «chien»

Одним из самых употребительных зоонимов в русском и французском языках является собака, так как это домашнее животное считается наиболее приближенным к человеку. Наиболее вероятными предками собаки являются волк и некоторые виды шакалов. Первоначально домашняя собака была выделена в отдельный биологический вид шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем в 1758 году, но в 1993 году реклассифицирована в подвид волка. Основная цель первого одомашнивание собаки – помощь на охоте. При необходимости разграничения по полу употребляются термины «кобель» (самец) и «сука» (самка), детеныши собаки называются «щенками».

Происхождение слова «собака» имеет скорее звукоподражательное начало, так как в памятниках древнерусской письменности данное слово встречается нечасто, в основном используется слово «песь» общеславянского происхождения. Тем не менее, оно известно, по крайней мере, с XII века. Принято считать, что слово является очень ранним восточнославянским заимствованием из иранских языков Северного Причерноморья. Одним из главных оснований к этому является записанное Геродотом мидийское слово *σπάκα* (соответствующее древнеиндийскому *sváka* – «волк»). Французское слово «chien» произошло от латинского слово *canem* (винительный падеж слова *canis* – «собака»). Для указания женского пола употребляется слово «chienne», детеныша называют «chiot».

Рассмотрев этимологию слова «собака» в обоих языках, мы переходим к анализу семантической структуры данного слова. Совокупность значений слова «собака» в русском и французском языках представлена в нижеприведённой сводной таблице:

Таблица 1

Русский язык	Французский язык
<p>1. Домашнее животное семейства псовых</p> <p>2. Четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущественно для охраны имущества, на охоте для отыскивания и преследования зверя или птицы</p> <p>3. Род хищных млекопитающих</p> <p>4. перен. О злом и грубом человеке (разг.)</p> <p>5. Знаток, ловкий в каком-либо деле человек (прост.)</p>	<p>1. Mammifère domestique dont il existe de nombreuses races élevées pour remplir certaines fonctions auprès de l'homme</p> <p>2. Les chiens écrasés (fam.): les faits divers dans un journal</p> <p>3. De chien: rencontrer bien des difficultés</p> <p>4. Personne servile, dont le rôle évoque celui du chien de garde</p> <p>5. Nom d'un chien! – juron de dépit, de surprise</p>

В первом столбце представлены все значения слова «собака» в русском языке, взятые из толкового словаря С.И. Ожегова и толкового словаря Д.Н. Ушакова. Во второй столбец мы внесли значения слова «chien», представленные в Le Robert и Larousse.

Из таблицы видно, что основная дефиниция собаки/chien совпадает в обоих языках и характеризует ее как домашнее прирученное животное, служащее человеку в домашнем быту. В русском языке, употребив слово «собака», речь может идти как о ловком человеке, так и о грубом. Во французском языке зооним «chien» в переносном значении используется для характеристики служебного человека в должности сторожа, для разговорного наименования журнальной рубрики повседневных фактов и для указания каких-либо жизненных трудностей, с которыми столкнулся человек.

Исследуемый нами зооним «собака» дал жизнь десяткам русских и французских паремиологических единиц. Частота встречаемости слова в речи, в том числе и в сравнениях, объясняется разнообразием его семантических функций. Так, в нашем исследовании были выявлены как сходства, так и различия при употреблении зоонима «собака» в устойчивых выражениях. Большинство паремиологических единиц с компонентом «собака/chien» имеют отрицательную коннотацию в обоих языках, однако в русском языке все же существует несколько паремий с положительной оценкой, ведь собака считается преданным, верным, послушным и очень привязанным к своему хозяину существом, способным прийти к нему на помощь. Так, выражения *собака – друг человека, четвероногий друг, щенячьи нежности* ассоциируются с такими положительными человеческими качествами как преданность и привязанность (*собачья преданность*). Но даже несмотря на трепетное отношение обоих народов по отношению к собаке устойчивые выражения весьма скупы на доброе слово о четвероногом друге. Во французском языке и вовсе отсутствуют положительные паремиологические единицы с данным зоонимом. Вероятнее всего первоначальное представление о собаке основывалось на ее подчиненном положении, ее послушности, и тем самым породило устойчивые выражения, основными характеристиками которых были низкопоклонство, повиновение и прислуживание (*бегать как собака, être comme un chien à l'attache* – сидеть как собака на привязи, *suivre comme un chien* – не иметь своего мнения, *chien couchant* – подневольный, слепо следующий за кем-либо человек, *chien de bord* – помощник капитана корабля, *chien du commissaire* – секретарь комиссариата полиции).

В компаративных употреблениях слова «собака/chien» обнаруживается способность этого образа представлять многие человеческие свойства. Через устойчивые сравнения эти аспекты образа раскрывают свое богатство и тесную взаимосвязь. Можно выделить несколько функциональных групп сравнений:

1) Сравнения по признакам «покорность», «преданность», «верность».

2) Сравнения, в которых слово «собака/chien» представляет эталонный объект негативных действий со стороны другого лица. Здесь можно встретить выражения со следующими глаголами: *tuer/battre/traiter comme un chien* – застрелить/бить/обращаться как с собакой:); *enterrer qn comme un chien* – зарыть кого-либо как собаку.

3) Сравнения, где слово «chien» предстает в качестве эталонного носителя очень тяжелого, очень плохого состояния, например: *être malheureux/malade comme un chien* (быть тяжело больным). Этот ряд имеет в русском языке лишь относительную параллель. Выражения «больной как собака», «несчастный как собака» не употребляются в русском языке, однако можно привести в пример выражение *прийти с виноватым видом/как побитая собака*.

4) Слово «chien» также может обозначать скупого и жадного человека: *s'acharner sur qch comme deux chiens sur un os* (букв. 'грызться из-за чего-либо как собаки из-за кости') – сильно ругаться или спорить из-за чего-либо, *se regarder comme deux chiens de faïence* (букв. 'смотреть друг на друга как две фарфоровые собачки') – злобно смотреть друг на друга.

5) Есть сравнения, в которые образ собаки используется в своем первичном, номинативном значении. Такие сравнения, в сущности, неидиоматичны, они базируются на живом представлении о собаке, ее облике и повадках. Например, русские выражения *отряхиваться как собака*, *скулить как собака* соответствуют французским *se secouer comme un chien*, *gémir comme un chien*.

Следует упомянуть также конструкции «существительное + de chien»: *métier, travail, vie de chien, froid de chien* – собачье ремесло, работа; собачья жизнь; собачий холод. При переводе на русский язык структура «de chien» передается прилагательным «собачий». Семантически эта конструкция эквивалентна сравнению, где образ *comme un chien* имеет значение «очень плохо, тяжело»: *vivre comme un chien, travailler comme un chien, устать как*

собака. Здесь можно также французское выражение *querelle de chien* (букв. ‘собачья ссора’), значение которого на русский язык отражает прилагательное «жестокая». Но в русском языке существует отдельный глагол для обозначения серьезной ссоры – *гавкаться*, которое показывает, что во французском и русском языках совпадают коннотации, приписываемые такому животному, как собака. В целом, слово *chien* во французском языке употребляется как ругательство в отношении человека, которого говорящий считает презренным, ничтожным.

Наиболее широко символ собака применим во французской идиоматике для описания множества различных ситуаций:

- *entre chien et loup* (букв. ‘между собакой и волком’) – в сумерки;
- *un temps de chien* (букв. ‘собачья погода’) – прескверная погода;
- *cela n'est pas fait pour les chiens* (букв. ‘это сделано не для собак’) – этим каждый может пользоваться, это доступно всем;
- *comme un chien dans un jeu de quilles* (букв. ‘как собака при игре в кегли’) – невпопад, некстати, не вовремя;
- *tout chien est lion dans sa maison* (букв. ‘каждая собака – лев в своем доме’) – всяк кулик в своём болоте велик;
- *il ne faut pas se moquer des chiens qu'on ne soit hors du village* (букв. ‘не стоит смеяться над собаками в пределах деревни’) – не говори гоп пока не перепрыгнешь;
- *couper la queue à son chien* (букв. ‘отрезать хвост собаке’) – совершать эксцентричные поступки, чтобы обратить на себя внимание;
- *n'être pas bon à jeter aux chiens* (букв. ‘даже для собак не годится’) – никуда не годится, заслуживает всеобщего презрения;
- *dormir en chien* (букв. ‘спать по-собачьи’) – лечь спать голодным;
- *c'est Saint-Roch et son chien* (букв. ‘Святой Рох и его собака’) – неразлучные друзья.

Также некоторые паремиологические единицы с компонентом «*chien*» во французском языке могут служить для описания излишних амбиций

человека: *faire le jeune chien* (букв. ‘строить из себя молодую собаку’) – быть вбалмошным, *c'est un chien qui aboie à la lune* (букв. ‘собака, которая на луну воет’) – самонадеянный человек, который много о себе мнит, *un bon chien n'attrape jamais un bon os* (букв. ‘доброму псу хорошая кость никогда не достанется’) – дуракам счастье.

В русском языке также есть некоторые особенности, связанные с зоонимом «собака». Во-первых, это слово может символизировать человека в восприятии окружающих, как результат оценки его поведения. Так, выражение «*умен, собака*» означает одобрение с элементом восхищения. Во-вторых, выражение «*как собака*» обозначает в русской культуре «сильно, до крайности» и употребляется в следующих ситуациях: *устал как собака, голоден как собака, замерз как собака, зол как собака*.

Проанализировав паремиологические единицы, содержащие зооним «собака/*chien*», можно заметить, что французский ряд образных сравнений со словом «*chien*» богаче, чем русский со словом «собака», однако положительная сторона этого животного отсутствует в паремиологическом фонде французского языка.

2.3. Характеристика пословичной манифестации концепта «*loup*»

Изучив специфику употребления зоонима домашнего животного «собака» во французском и русском паремиологических фондах, мы переходим к рассмотрению хищного млекопитающего того же семейства псовых – волка (*loup*). Биологи считают волка прямым предком домашней собаки, которая обычно рассматривается как его подвид. Ранее волки были обширно распространены по всему миру, в частности их было много в Евразии и в Америке. Однако в настоящее время, ввиду широкого образования городов и деревень и массового истребления волков, их места обитания резко сократились.

Русское слово «волк» происходит благодаря звукоподражанию праславянскому слову «vьlkъ» (в славянских языках оно звучит практически одинаково: по-болгарски волк будет «вълк», по-сербски – «вук», по-белорусски – «войук», а по-украински – «вовк»). Бытует мнение, что это слово также тесно связано со словами «волочить», «уволакивать», поскольку волк волочил свою добычу перед собой. Французский термин «loup» появляется лишь в XIV веке, и происходит от древнефранцузского слова «leu» (в свою очередь образованного от латинского слова «lupus»).

Рассмотрев этимологию слова «волк» в обоих языках, мы переходим к анализу семантической структуры данного слова. Для этого мы создали таблицу (Таблица 2) значений слова «волк» в русском и французском языках. В первом столбце представлены все значения слова «волк» в русском языке, взятые из толкового словаря под редакцией А.П. Евгеньевой, толкового словаря Д.Н. Ушакова и толкового словаря С.И. Ожегова. Во второй столбец мы внесли значения слова «loup», представленные в Le Robert и Larousse:

Таблица 2

Русский язык	Французский язык
1. Хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке	1. Mammifère carnivore, à pelage gris jaunatre, vivant en meutes dans les forets d'Europe, d'Asie et d'Amerique
2. перен. Угрюмый, недоброжелательный человек	2. Terme d'affection à l'égard d'un enfant, d'un être cher (fam.)
3. Морской волк – старый, опытный моряк (разг.)	3. Loup de mer (fam.)
4. Тот, кто много испытал, привык к невзгодам, опасностям, искушен в каком-либо деле (разг.)	4. Erreur, oubli, malfaçon irreparable dans la confection d'un ouvrage (techn.)
	5. Masque de velours ou de satin noir, couvrant le pourtour des yeux.

Как видим из таблицы, слово «волк/loup» имеет схожие дефиниции во французских и русских словарях. Волк в прямом значении характеризуется

хищным животным с серой окраской, а переносном значении служил для описания опытности и искушенности. Однако, волком в русском языке также могут называть угрюмого и недоброжелательного человека, в то время как во французском волчонком зовется ребенок или другой дорогой сердцу человек. Также во французском языке существуют дополнительные дефиниции, отсутствующие в русском языке, что *loup* – это маска из бархата или черного атласа, покрывающая края глаз, а в технической лексике – непоправимый вред при создании изделия.

Зооним «волк» занимает одно из центральных мест в мифологических представлениях многих народов мира. Волк издревле является тотемом тюркских народов. Во многих районах Евразии и Северной Америки древняя символика волка связана с культом предводителя боевой дружины, бога войны, родоначальника племени, с мужскими военными братствами. «Волк — символ свободы в животном мире, бесстрашия, нравственности, преданности семье, справедливости и честолюбия. Волк присутствует в воинской, спортивной символике, в геральдике как знак доблести, храбрости, бдительности и осмотрительности, независимости, выносливости, победы, заботы о пропитании» [Дамянова, 2013: 11].

В русском и французском народном творчестве волк имеет двойственную символику, однако, как и в случае с собакой в употреблении зоонима «волк» преобладает негативная оценка. При этом, несмотря на общие негативные качества данного животного в обоих языках, и в русском и во французском языках присутствуют также оттенки восприятия зоонима «волк», свойственные лишь одной языковой культуре. Для начала следует выявить универсальные черты, заложенные в зоониме «волк».

Определяющим в символике волка является признак «чужой», «злой», это враждебный человеку образ. Наиболее распространенным убеждением в обеих языковых культурах является то, что волк – это символ злости, коварства и вероломства. Следующие паремиологические единицы отражают народное восприятие метафорического сравнения волка с коварным и злым

человеком: *смотреть волком* (иметь угрюмый, враждебный вид); *добр волк да овец пасти ему не дают; как волка в хлев пустить, так он и овец всех переест; не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; regarder qn comme le loup gris* (смотреть волком); *être connu comme le loup gris* (иметь отрицательную, враждебную репутацию), *c'est un vrai loup-garou* (быть нелюдимым). Сюда можно отнести и тот факт, что волк считается олицетворением сильного и жестокого противника: *Qui se fait brebis, le loup le mange* – *Не прикидывайся овцой, волк съест; Сделайся овцой — волки готовы* (чрезмерная доброта как приманка для коварных людей); *brebis comptées, le loup les mange* – *и считанную овцу волк крадет* (излишние осторожности только вредят); *Кобыла за волком гналась, да в волковы зубы попалась*.

Волк в паремиологии также выступает как символ алчности, жадности, прозорливости: *Жаден как волк, а труслив как заяц, Голодный волк сильнее сытой собаки, Волку сеном брюха не набить, manger comme un loup* (есть как волк). При этом следует отметить, что в подобных выражениях сравнение какого-либо действия или явления с волчьей характеристикой является также показателем крайности. Например, выражения *avoir un faim/un appetit de loup* – *голодный как волк* употребляются в значении «очень, чрезмерно, крайне голодный», *un froid de loup* (слишком сильный холод), *être enrhumé comme un loup* (иметь сильный насморк), *gueule du loup* (неминуемая опасность), *se mettre dans la gueule du loup* (лезть в пасть к зверю, на рожон).

Еще одна общая языковая характеристика волков – верность и преданность к своим собратьям. Они выступают как символ поддержки и благосклонности к товарищам по стае. При этом хищность уступает перед согласием и дружностью. Следующие паремии характеризуют человека, благосклонно относящегося лишь к своему ближайшему окружению: *Волк волку хвоста не отдавит; В согласном стаде и волк не страшен; Les loups ne se mangent pas entre eux* (Волк волка не съест); *il faut hurler avec les loups* (с

волками жить – по-волчьи выть); *La guerre est bien forte quand les loups se mangent* (волк волку спуска не дает).

Изучив общие характеристики, которыми наделяют волка русский и французский народы, перейдем к рассмотрению специфических коннотаций данного зоонима в каждом языке. В русской культуре четвероногому хищному млекопитающему присущи следующие черты характера, которые переносятся на человека в концепте «человек-волк»:

1) Волк рассматривается как символ лицемерия, притворства и неискренности. Так, наряду с общеизвестным выражением *крокодиловы слезы* в русском языке существует синонимичное устойчивое выражение *волчьи слезы* (притворные, лицемерные), которое употребляется в пословице *Не верь волчьим слезам*. Также тему лицемерия человека-волка можно обнаружить в метафорических образах «волк-лиса/овца/кобыла», которые дополняют и расширяют образные представления о лицемерии: *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву; Любит как волк овцу; В глазах – как лисица, а за глазами – как волк*. Паремнологическая единица *Волк в овечьей шкуре* (о лицемере, прячущем под маской добродетели свои дурные поступки) восходит к библейскому выражению «Опасайтесь ложных прорицателей: они приходят к вам в овечьей шкуре, но внутри они – волки хищные» и к русским пословицам, которые предостерегают от них: *Волк и в овечьей шкуре не укроется; Не верь волку в овечьей шкуре, а козе – в огороде*.

2) Образ волка может употребляться и в антонимичных значениях. С одной стороны, волк – символ опытности и мудрости: *старый волк/травленный волк/стреляный волк* (о человеке опытном, выдавшем виды, побывавшем в опасностях и переделках); *Старого волка в тенета не загонишь; Старые волки не дремлют; Старый волк знает толк*. С другой стороны, волк – олицетворение незнания, неопытности, глупости: *Одна лиса семь волков проведет; Не попал волк в западню, увязнет в тенетах; Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела; Ловит волк, да ловят и волка;*

Удалось теляти волка поймати. Данное противопоставление наглядно показывает, что нет в мире непобедимого существа, на каждого найдется свой подход и, соответственно, свой победитель.

3) Волк, вынюхивающий добычу, – символ вора или разбойника. У славян вор, преступник, убийца, насильник традиционно именовался волком. Эти представления отражают устойчивые выражения *волчье логово* (пристанище преступников, врагов); *И считанную овцу волк съедает.* Грабительскую сущность людей-волков также раскрывают следующие поговорки: *Как волка ни корми, он все в лес глядит; Родился волком, лисицей не бывать; Волк и каждый год линяет, да обычая не меняет.*

Отметим также некоторые русские поговорки с зоонимом «волк», которые невозможно отнести ни к одной вышеприведенной группе, но, тем не менее, они широко употребляются в речи: *Волков бояться – в лес не ходить* (в любом действии есть опасность, но всего бояться тоже нельзя), *хоть волком вой* (о безнадежном и безвыходном положении), *тамбовский волк тебе товарищ* («Тамбовской» породы волков в природе не существует. Изначально так называли тамбовских крестьян, за гроши батрачивших в городах. Горожане, у которых перебивали заработок, недовольно говорили: «Опять тамбовские волки по дворам рыщут, цену сбивают». А поговорка «тамбовский волк тебе товарищ» родилась в 1920-1922 годах во время так называемого антоновского мятежа на Тамбовщине).

Во французском языке в качестве специфических характеристик, которыми французский народ наделяет волка, можно отметить осмотрительность, хитрость и слабовольность: *marcher en pas de loup* (идти бесшумно, как волк подкрадывается к овчарне), *un vieux loup* (опытный и хитроумный плут), *avoir un courage de loup* (быть храбрым только против слабых, русский аналог: *молодец против овец, а против молодца и сам овца*).

Как видим, поговорки с зоонимом «волк» составляют подсистему поговорочного фонда как русского языка, так и французского, однако более обширное и разнообразное употребление находят в русской языковой

культуре. Зооним «волк» обладает активным фразообразовательным потенциалом, однако, большая часть ассоциативных признаков, связанных с данным зоонимом, имеет негативный оттенок. Образ волка служит критерием физических и нравственных человеческих качеств.

2.4. Выводы

В большинстве языков мира названия животных регулярно используются для наименования человека, его внешности, способностей, черт характера, отношений с другими людьми, образа жизни. В лексике любого языка мира зоонимы представляют собой весьма обширный и специфический пласт. Именно зооним отражает различия в национальных культурных представлениях, психологических, ментальных и социальных особенностей и разнообразных обычаев, присущих, определенному языковому сообществу и культуре в целом, так как животные являются наиболее близкими и значимыми существами для человека. Так, с течением времени повадки и привычки животных взаимодействовали с качествами людей, и в фольклоре животных стали наделять человеческими качествами, что и привело к появлению паремиологических единиц с компонентом зоонимом.

Следует отметить, что в рамках одной и той же этнокультуры, равно как и в плане противопоставления разных этнокультур, отношение к определенным зоонимам (например, «кот», «собака», «лошадь», «волк», «медведь» и т.д.) далеко не однозначно. Всегда присутствует так называемый оценочный компонент, то есть одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в значении поговорки, характерный лишь для одной этнокультуры. Изучая зоонимы в составе тех или иных поговорок русского и французского языков, мы разделили их на три группы: зоонимы, имеющие одинаковое метафорическое употребление в обоих языках, зоонимы

метафорическое представление о которых частично отличается в обеих культурах, и зоонимы, иноязычных аналогов которых не существует. Мы выяснили, что преобладающим типом зоонимов является именно третья группа, что объясняется разницей в культуре, менталитете и быте каждого этноса.

В ходе исследования мы подробно остановились на исследовании двух номинаций животных из семейства псовых, одно из которых является домашним (собака), а другое – хищным (волк). Мы обнаружили, что в ассоциативном ряду рассматриваемых номинантов присутствуют черты как схожие, так и различные. Так, например, зооним «собака» имеет более вариативное употребление во французской языковой культуре, а зооним «волк» – в русской. При этом, оба зоонима употребляются как в русских, так и во французских паремиологических единицах с преобладающим негативным оттенком. Паремии с зоонимами «волк» и «собака» составляют подсистему паремиологического фонда обоих языков, а образы выбранных животных могут оценивать физические и нравственные качества человека.

Заключение

В последние десятилетия, как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, уделяется значительное внимание вопросу о роли и месте паремиологических единиц в системе языка. Для любого этноса ключевым способом хранения и передачи информации является национальный язык. Каждый язык мира содержит в своем составе ряд кратких и информативных народных пословиц и поговорок, отражающих колорит самобытной культуры определенной нации, ее многовековую историю.

Основной целью данного исследования было выявление национально-культурных особенностей и уникальных характеристик паремиологических единиц с компонентом зоонимом в национальной языковой картине мира. В рамках этой цели мы изучили следующие базовые для нашего исследования понятия: «паремиология», «паремиологическая единица», «языковая картина мира», рассмотрели разграничения в понятиях «пословица» и «поговорка», а также доказали, что язык непрерывно связан с культурой нации. Именно паремиология содержит в своем фонде ценную информацию о представителях неизвестной нам культуры, о культурно-этническом колорите.

Сопоставительное изучение двух языковых картин мира, используемое в нашем исследовании, позволяет проанализировать структурные, семантические и лексические особенности паремиологических единиц, выявить черты сходства и отличия в паремиологических фондах исследуемых языков, сравнить проявляющийся в паремиях менталитет двух народов. За основу данной работы мы взяли наиболее употребительный и антропоморфный в обоих языках пласт лексики – зоонимы. Зоохарактеристика человека, основой которой является образное представление о том или ином животном, отражает национальную самобытность языков посредством системы оценочных образов-эталонов, характерных для данного этноса.

Сопоставительный анализ зоонимов рассматриваемых языков позволяет прийти к следующим заключениям:

1. Паремиологические единицы с компонентом-зоонимом занимают важное место в паремиологическом фонде французского и русского языков, они наглядно демонстрируют национальную специфику и уникальную самобытность обеих культур.

2. В семантической структуре паремий с наименованиями представителей фауны преобладает коннотативный компонент, в котором содержатся важнейшие смысловые элементы, отражающие широкий спектр этнокультурной информации. Паремии – это энциклопедия знаний о народе, о его своеобразных чертах характера, привычках, взглядах, обычаях, истории, быте. Благодаря паремиологическим единицам человек проникает в неизвестную ему национальную культуру и знакомится с огромным богатством, хранимым изучаемым языком.

3. Одно из назначений паремий с анималистическим компонентом является изображение полного дифференцированного «портрета» представителя языковой культуры и отображение его физического, нравственного, интеллектуального, социального облика. Отсюда следует, что такие паремии – антропоморфны, они отображают те реалии и сферы жизни, которые тесно связаны с самим человеком, его деятельностью и его интересами.

4. Системы образных представлений, сложившиеся у национально-языковых коллективов, говорящих на русском и французском языках, имеют как схожие, так и различные представления о животном мире и образах, основанных на зооморфных характеристиках. Источниками национально-специфических характеристик паремиологических единиц с компонентом-зоонимом могут служить исторические условия формирования языка, особенности жизненного уклада, характер трудовой деятельности, ценности, и многие другие факторы. В связи с этим мы разделили наименования животных на три группы: зоонимы, имеющие одинаковые метафорические

употребления в двух языках, зоонимы, различающиеся некоторыми метафорические смыслами в языках, зоонимы, иноязычные аналоги которых не подвергаются метафоризации. Достаточно большое количество паремий с анималистическим компонентом имеют полные или частичные эквиваленты, что объясняется совпадением мысленного отображения реальной действительности у носителей данных языков. Однако, вследствие различия культурных факторов, этнических особенностей, разных языковых картин мира многие паремии с компонентом зоонимом имеют значения, которые понятны только носителям определенной культуры.

5. В ходе исследования наименований двух животных (собака и волк) в паремиологических единицах двух языков и на основе сравнительного метода мы обнаружили, что рассматриваемые лексемы могут оценивать физические и нравственные качества человека. С точки зрения выражения значения общей оценки «хорошо/плохо» подавляющее большинство паремий с данными зоонимами маркированы отрицательно. При этом зооним «собака» имеет более вариативное употребление во французской языковой культуре, а зооним «волк» – в русской.

Проведённое исследование подтверждает важную роль паремиологических единиц в языковой культуре. Сопоставление паремий двух языков позволяет не только выявить несоответствие в словарном составе, но и обнаружить уникальные элементы народной культуры, зафиксированные в языке и требующие дальнейшего изучения для лучшего понимания языка и умелого использования фразеологизмов в речи, так как владение фразеологией иностранного языка означает и высокую степень владения самим языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аппоев А.К. Вербализация жизненного опыта социума в паремиях / А.К. Аппоев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 13
2. Байжанова Н.Р. О подходах к изучению пословиц / Н.Р. Байжанова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – №3
3. Балли Шарль. Французская стилистика, 1921
4. Бережан С.Г. К вопросу о диапазоне варьирования фразеологизмов. Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа, 1988.
5. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М, 1977.
6. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии. – Л., 1946.
7. Волошкина И.А., Моисеева С.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии / Вестник Томского государственного университета, 2009.
8. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
9. Гак В.Г., Рецкер Я.И. О французской фразеологии и французо-русском фразеологическом словаре. – М, 1963.
10. Горбань И.В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы): дис. канд. филол. наук. – Краснодар: КубГУ, 2010.
11. Грушевская Т.М., Луговая Н.В. Национально-культурное своеобразие паремических выражений // Язык и дискурс в современном мире: Мат-лы междунар. научно-лингвистической конф. Ч. 1. – Майкоп: АГУ, 2005.

12. Дамянова Х.Д. О символике волка в русской и болгарской фразеологии и паремиологии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2013.

13. Дмитриева О.А. Типы моральных оценок в текстах пословиц и афоризмов // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Сб. науч. тр. – Волгоград, 1999.

14. Катермина В.В. Лингвокультурные характеристики малых фольклорных жанров // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. (Волгоград, 6–8 окт. 1998 г.). – Волгоград: Перемена, 1998.

15. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (Когнитивные аспекты): дис. канд. филол. наук. – М., 1996.

16. Колесов В.В. Основы ментальности русского народа // Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. – СПб: СПбГУ, 2011.

17. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., доп. и исправл. – М.: Изд-во ЧеРо, 2003.

18. Костомаров В.Г. Роль русского языка в диалоге культур // РЯЗР. 1994. № 5.

19. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии. – Ростов н/Д, 2008.

20. Кудрявцева, Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий / Е. В. Кудрявцева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 2.

21. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. Вып. 25.

22. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика – Минск, 2008.
23. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999
24. Мокиенко В.М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Змицер Колас, 2010. – 188 с.
25. Натхо О.И. Английские паремии в языковой картине мира // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Вып. 7. – Ставрополь: СГПИ, 2009.
26. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
27. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. – М., 1979.
28. Петроченко, Л.А. Семантика канонических и трансформированных видов паремий и фразеологизмов / Л.А. Петроченко // Вестник ТГПУ. – Выпуск 7. – 2010.
29. Привалова И.В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 18.
30. Савенкова Н.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону, 2002.
31. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы. – СПб.: МИРС, 2009. – 270 с.
32. Слепушкина Е.В. Фразеология русского и английского языков в зеркале национального менталитета: Автореф. дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 2009.
33. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 235 с.

34. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. – М., Институт языкознания РАН, 1999.
35. Фархутдинова Ф.Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология-2000. – Тула, 2000.
36. Фомина, З.Е. Слова с метафорической оценкой в эмотивном лексиконе французского и русского языков / З.Е. Фомина // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: Тез. докл. науч. конф. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1998.
37. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии (тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов). Автореф. на соиск .учен степ. докт. филол. наук. М., 1997.
38. Jean Pruvost. Le loup. Paris: Honoré Champion Éditeur. 2010. 142 p.

Использованные словари:

1. Жуков, В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1987. – 535 с.
2. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М, 2001.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка – М., 1999.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940.
6. Micro Robert. Dictionnaire du français primordial. – S.N.L. – 2013.
7. Le Petit Larousse illustré. Dictionnaire encyclopédique de lalangue française. – Les éditions Larousse. – 2011.

Приложение

Полное совпадение формы и содержания французских и русских паремий

Пословица	Эквивалент
▪ têtue comme un âne	Упрямый как осёл
▪ fort comme un bœuf	Сильный как бык
▪ travailler comme un bœuf	Работать как вол
▪ un bouc émissaire	Козел отпущения
▪ agile comme un chat	Проворный как кошка
▪ battre qn comme un chien	Избить как собаку
▪ froid de chien	Собачий холод
▪ faire un pied de cochon à qn	Подложить свинью кому-либо
▪ gras comme un cochon (un porc)	Жирный как свинья, как боров
▪ manger comme un cochon	Есть как свинья
▪ sale comme un cochon	Грязный как свинья
▪ faire le coq	Петушиться
▪ amoureux comme un coq	Любвеобильный как петух
▪ un coq est bien fort sur son fumier	И петух на своём пепелище храбрится
▪ fier comme un coq	Гордый как петух, павлин
▪ un bon coq n'engraisse jamais	Драчливый петух жирен не бывает
▪ une poule mouillée	Трус, мокрая курица
▪ faire d'une mouche un elephant	Делать из мухи слона
▪ courir comme un lapin	Убегать как заяц
▪ adroit comme un singe	Ловкий как обезьяна
▪ faire des grimaces comme un singe	Кривляться как обезьяна
▪ courageux comme un lion	Отважный как лев
▪ avoir la «légèreté» d'un ours	Быть неуклюжим как медведь
▪ faim du loup	Волчий голод
▪ qui se fait agneau, le loup le mange	Кроткая овца всегда волку по зубам
▪ rusé comme le renard	Хитрый как лиса

Частичное совпадение формы и содержания французских и русских паремий

Пословица	Буквальный перевод	Эквивалент
▪ rire comme une baleine	Смеяться как кит	Смеяться как лошадь
▪ maigre comme un chat de gouttière	Худой как бродячая кошка	Тощий как щепка
▪ un chat écorché	Драная кошка	Замухрышка
▪ retomber comme un chat sur ses pattes	Упасть как кошка на лапы	Выйти сухим из воды
▪ il ne faut pas réveiller un chat qui dort	Нельзя будить спящую кошку	Не буди лихо, пока оно тихо
▪ écrire comme un chat	Писать как кошка	Царапать как курица лапой
▪ appeler un chat un chat	Называть кошку кошкой	Называть вещи своими именами
▪ il n'y pas de quoi fouetter un chat	Не за что бить кошку	Дело выеденного яйца не стоит
▪ avoir joué avec les chats	Поиграть с кошкой	Нет живого места
▪ un bon chien n'attrape jamais un bon os	Доброму псу хорошая кость никогда не достанется	Дуракам счастье
▪ être comme un chien à l'attache	Быть как собака на привязи	Сидеть (как) на привязи
▪ tout chien est lion dans sa maison	Каждая собака – лев в своем доме	Всяк кулик в своем болоте велик
▪ il ne faut pas se moquer des chiens qu'on ne soit hors du village	Не стоит смеяться над собаками в пределах деревни	Не говори гоп пока не перепрыгнешь
▪ rouge comme un coq	Красный как петух	Красный как рак
▪ la poule aux œufs d'or	Курица с золотыми яйцами	Золотая жила
▪ poule de voisin paraît oie	Соседская курица кажется гусем	Хороша рыба на чужом блюде
▪ la poule au pot	Курица в супе	Жизнь в довольстве
▪ avoir une mémoire de lièvre	Обладать памятью зайца	Память как у рыбки
▪ dormir en lièvre	Спать по-заячьи	Спать как кошка (чутко)

<ul style="list-style-type: none"> ▪ prendre le lièvre au collet ▪ avoir un rat dans la tête ▪ brebis comptées, le loup les mange ▪ La guerre est bien forte quand les loups se mangent ▪ avoir un «courage» de loup ▪ il faut hurler avec les loups 	<p>Взять зайца за холку</p> <p>Крыса в голове</p> <p>Овцы сосчитаны, волк их есть</p> <p>Война свирепая, когда волки друг друга едят</p> <p>Иметь «храбрость» волка</p> <p>Нужно выть с волками</p>	<p>Взять быка за рога</p> <p>Тараканы в голове</p> <p>И считанную овцу волк крадет</p> <p>Волк волку спуска не дает</p> <p>Молодец против овец, а против молодца и сам овца</p> <p>С волками жить – по-волчьи выть</p>
--	---	--

Отсутствие совпадения формы и содержания французских и русских паремий

Пословица	Буквальный перевод	Характеристика
<ul style="list-style-type: none"> ▪ âne bate ▪ lourd comme un bœuf ▪ dormir en chien ▪ éveiller le chat qui dort ▪ c'est un chien qui aboie à la lune ▪ n'être pas bon à jeter aux chiens ▪ couper la queue à son chien ▪ c'est Saint-Roch et son chien ▪ métier de chien ▪ faire le jeune chien ▪ suivre comme un chien ▪ s'acharner sur qch comme deux chiens sur un os ▪ se regarder comme deux 	<p>Навьюченный осел</p> <p>Тяжелый как бык</p> <p>Спать по-собачьи</p> <p>Разбудить спящего кота</p> <p>Собака, которая на луну воет</p> <p>Даже для собак не годится</p> <p>Отрезать хвост своей собаке</p> <p>Святой Рох и его собака</p> <p>Собачья работа</p> <p>Строить из себя молодую собаку</p> <p>Следовать как собака</p> <p>Грызться из-за чего-либо как собаки из-за кости</p> <p>Смотреть друг на друга как</p>	<p>Невежда; набитый дурак</p> <p>Тугодум</p> <p>Лечь спать голодным</p> <p>Возобновить старую ссору</p> <p>Самонадеянный человек, много о себе мнит</p> <p>Никуда не годится, заслуживает презрения</p> <p>Совершать эксцентричные поступки</p> <p>Неразлучные друзья</p> <p>Трудная, тягостная работа</p> <p>Быть взбалмошным, ветренным</p> <p>Не иметь своего мнения</p> <p>Сильно ругаться, спорить из-за чего-либо</p> <p>Злобно смотреть друг на</p>

chiens de faïence	две фарфоровые собачки	друга
▪ querelle de chien	Собачья ссора	Жестока ссора
▪ entre chien et loup	Между собакой и волком	В сумерки
▪ un temps de chien	Собачья погода	Прескверная погода
▪ comme un chien dans un jeu de quilles	Как собака при игре в кегли	Невпопад, некстати
▪ cela n'est pas fait pour les chiens	Это сделано не для собак	Это доступно всем
▪ gourmand comme un chat	Любит вкусно поесть как кошка	Сладкоежка
▪ il n'y a pas un chat	Нет кошки	Нет ни души
▪ Quel chameau!	Какой верблюд!	Прескверный человек
▪ devenir chèvre	Стать козлом	Проявлять нетерпение
▪ capricieux comme une chèvre	Капризный как козел	Очень своенравный
▪ avoir la chèvre	Иметь козла	Горячиться по пустякам
▪ un peu chèvre	Немного козел	Немного взволнованный
▪ «coq de paroisse»	Приходской петух	Первый парень на деревне
▪ se battre comme un petit coq	Драться как петушок	Быть задирой
▪ c'est un beau coq	Это красивый петух	Сердцеед, донжуан
▪ vivre comme un coq en pâte	Жить как петух в тесте	Жить в достатке
▪ fils de la poule blanche	Сын белой курицы	Счастливчик
▪ mémoire d'éléphant	Память слона	Прекрасная память
▪ avoir les yeux ouverts comme un lièvre	Открытые глаза как у кролика	Быть бдительным, всегда начеку
▪ courir le même lièvre	Бежать за тем же зайцем	Стремиться к той же цели
▪ se sauver comme un lapin	Спасаться как кролик	Пуститься наутек
▪ meneur d'ours	Вожак медведей	Грубый человек
▪ ours mal léché	Неотесанный медведь	Грубиян
▪ malin comme un singe	Хитрый как обезьяна	Очень хитрый
▪ avare comme un rat	Скупой как крыса	Очень скупой
▪ agir en renard	Действовать как лиса	Хитрить, лукавить

<ul style="list-style-type: none"> ▪ fin renard ▪ avoir la puce à l'oreille ▪ être excité comme une puce ▪ un vieux loup ▪ marcher en pas de loup ▪ regarder qn comme le loup gris ▪ être connu comme le loup gris ▪ c'est un vrai loup-garou ▪ être enrhumé comme un loup ▪ gueule du loup ▪ se mettre dans la gueule du loup 	<p>Настоящий лис</p> <p>Иметь блоху в ухе</p> <p>Быть возбужденным как блоха</p> <p>Старый волк</p> <p>Идти как волк</p> <p>Смотреть на кого-то как серый волк</p> <p>Иметь славу серого волка</p> <p>Это настоящий оборотень</p> <p>Иметь насморк как у волка</p> <p>Пасть волка</p> <p>Лезть в пасть к волку</p>	<p>Проныра</p> <p>Сильно тревожиться</p> <p>Быть излишне суетливым</p> <p>Опытный плут</p> <p>Тихо подкрадываться</p> <p>Злобно смотреть</p> <p>Иметь враждебную репутацию</p> <p>Нелюдимый человек</p> <p>Иметь сильный насморк</p> <p>Неминуемая опасность</p> <p>Лезть на рожон</p>
---	--	--